

УРАЛЬСКИЙ
снегоним

ISSN 0134 - 241X

8 (794) август, 2023

www.uralstalker.com

**Есть
такая игра**

СЕВЕРНЫЕ РЕКИ

ГВОЗДЕОБРАЗНЫЙ ШПИЦ

ПРОЕКТ МОЗАИКА ЯЗЫКОВ

Август 2023

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, вёрстка – С.А. Секисов.

Редактор видеоконтента – Ю.В. Шлентова.

Корректор – С.В. Мартынюк.

Интернет – Е.В. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Дары Шиленко.

4 стр.: Фото Эллы Подгорновой.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2023 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №8 (794), 2023 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректorskую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **«тема»**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №8, 2023 г.
Подписан к печати 28.07.2023 г. Дата выхода 04.08.2023 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Путешествие по Уралу

Н.ВЕХОВ

Другой мир 3

Фотолетопись

М.ФРОЛОВ

Старая линза.....24

Живи активно

Н.ДУДКО

В киле нет ничьей..... 18

Путешествие по Уралу

А.ЗАТОНСКИЙ

Медленно, долго,
холодно.....28

Природа в ладонях

Животный мир

В.ДЕНЕКО

Последняя
встреча 10

Животный мир

М.БОКАЧЕВ

Бородатая
неясыть..... 46

Река времени

Наши проекты

«Мозаика
языков» 12

Народы Урала

Ю.ШЛЕНТОВА
Экскурсия
в каньон 13

Далёкое-близкое

Н.ДУДКО
Прерванный
полет 15

Топонимика

В.КАРЕЛИН
Манарага – Краса
Приполярья.....32

Далёкое-близкое

В.КУРОЧКИН
Трамвай моего
детства..... 38

Тропой поиска

Э.ПОДГОРНОВА
Здесь будет
установлен
знак.....42

▼ Каньон. Вид на юго-восток.
Фото Ольги Головиной

Другой мир

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Среди наиболее интересных природных объектов в западных предгорьях Полярного Урала — каньон на реке Ния-Ю.

В силу особенностей геологического строения в этой части Уральского хребта и прилегающих участков Большеземельской тундры подобные образования здесь крайне редки. Из ныне известных, редких по красоте и суровости восприятия, упомяну грандиозный Мраморный каньон на реке Каре, пользующийся популярностью у байдарочников и рафтеров, и каньон на реке Хальмер-Ю. Кроме них есть ещё один интересный природный объект — тоже каньон, расположенный на реке Ния-Ю. Тех, кто решит посетить его, ждут неожиданные встречи с очень редкими растениями и интересными животными.

Знакомство с каньоном

Сам я лишь мельком имел возможность наблюдать этот каньон в 1979 году во время поездки на озеро Есто-То. Для нас встреча с интересным природным объектом была обыденным событием, ведь за десятилетия

научных экспедиций подобных встреч было немало. Меня в большей мере интересовали особенности флоры и фауны этого района. Красоты же тогда привлекали меньше. Но, в последствии, воспоминания о встречах с северными красотами воспринимаются иначе.

Готовя материал к этому очерку, я наткнулся на очень эмоциональные строки, которые оставила Татьяна Андреева — руководитель туристического экскурсионного бюро «Метелица» из города Воркуты. *«Верховья реки Ния-Ю меня поразили своим резким несоответствием той природно-климатической зоне, в которой они расположены. На той же параллели — станция Хановой (станция Северной железной дороги, в нескольких десятках километров к западу от реки Ния-Ю), где лишь реденькие деревца зябнут среди тундрового ландшафта. Здесь же — совсем другой мир, совсем другой пейзаж. Красота и необычность этого места так сильно притягивает к себе, что оттуда просто не хочется*

▲ Каньон. Вид на северо-запад. Фото Ольги Головиной

▲ Роза игольчатая. Фото Ивана Корзубова

▼ Арника Ильина. Фото Ивана Корзубова

ся уходить. Километров через 40 от верховьев реки — красивый каньон, протяженность около пяти километров, ширина в среднем метров 20–25, высота скал 15–20 метров. Здесь река — это сплошной каскад многочисленных сливов, водопадов, порогов. Цвет воды — лазурный, мощь воды большая, вода шумит — можно долго идти вдоль берега, погрузившись в созерцание этого чуда природы.

Река поражает обилием животного мира. Когда мы шли по берегу, только я встретила на пути четыре гнезда птиц отряда соколиных. Более точно определить вид было трудно, по описаниям здесь встречается дербник, сокол-кречет — очень редкий вид. Гнезда нависают прямо над скалами, в диаметре сантиметров сорок, крупные яйца — крупнее куриных, тёмные, в крапинку... Гусь, вылетающий

▲ Родиола четырёхчленная.
Фото Ивана Корзубова

прямо из-под ног, прыскающие тут и там зайцы, белые лебеди, утки — ни на одном пройденном мною маршруте такого я не встречала».

Это описание следует дополнить несколькими уточнениями. Сам каньон начинается примерно в восьми

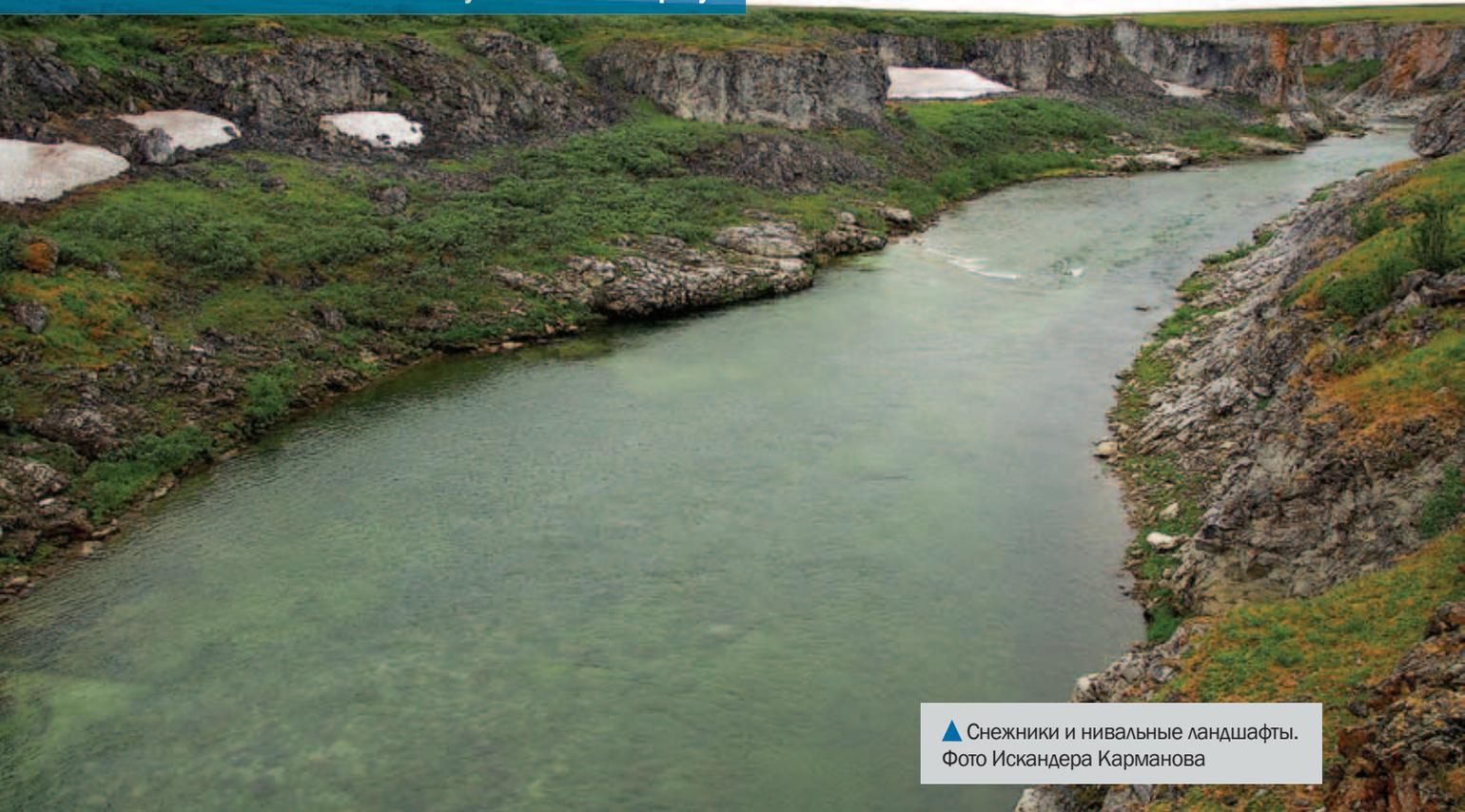
километрах от устья реки. Чуть севернее от входа в него расположено озеро Щучье — надёжный ориентир на географической карте. Образование этого природного объекта связано с пересечением рекой, являющейся левым притоком реки Усы, мощного массива

коренных пород (палеозойских известняков, доломитов, доломитизированных известняков, рифобрекчий), характерных для долин рек и ручьёв Полярного Урала.

Вход в каньон со стороны Уральских гор хорошо заметен: ещё метров за 800 выше по течению левый берег начинает резко повышаться, и слышен шум бурлящей воды. Перепад воды на входном пороге почти 4 метра. Окружающие русло реки отвесные склоны с высотами до 25 м чередуются с пологими. Ближе к каньону лес по берегам редееет.

На протяжении русла, зажатого в 5-километровый скальный каньон, встречаются шесть порогов, небольшие водопады, крупные отдельные валуны и миниатюрные «порожки», создающие необычайно эффектное зрелище. Первый из порогов — входной — расположен уже в самом начале каньона. В средней части каньона ещё два порога. Примечателен 4-й порог с большим камнем, делящим слив надвое. В этом месте русло резко сужается. Ниже по длине каньона — участок с целой чередой мелких «порожков» и перекатов. Самым впечатляющим является двухступенчатый предпоследний порог. Это — фактически два сближённых образования, две ступени. Отсюда высота берегов начинает постепенно уменьшаться, а после шестого, выходного порога, окружающий русло ландшафт приобретает облик равнинной предгорной тундры.

▲ Снежники и нивальные ландшафты.
Фото Искандера Карманова

▼ Мытник Эдера. Фото
Богдана Крыжатюка

Красиво-цветущие растения

Эта информация, что я указал выше, пригодится в основном для байдарочников и любителей рыбной ловли, а их тут бывает немало. Предлагаю побывать здесь и путешественникам-натуралистам, интересующимся растениями и животными. Для них посещение и внимательный осмотр каньона — это залог интересных находок и настоящих открытий. От настоящих любителей природы, думаю, не ускользнёт ни один грот, ими избилуют обрывистые скалы, ни своеобразные карнизы-полочки на обрывах, трещины в скалах, развалы камней, иные объекты. В силу происходивших здесь на протяжении тысячелетий природно-климатических изменений в этих биотопах можно найти такие виды, которые здесь растут на пределе своих ареалов. Их находки удивят ботаников-любителей.

В средней части каньона на склонах южной экспозиции можно встретить своеобразные заполярные «леса». Это не те леса, какие мы привыкли видеть в средней полосе или тайге, а редины, образуемые елью сибирской (встречаются «деревья» высотой до 2 м) и берёзой извилистой. Их появление в пределах каньона, возможно, связано с расселением из островного леса, находящегося восточнее на южном склоне хребта Енганэпэ.

Первыми бросаются в глаза красиво-цветущие растения. Их немало

в самом каньоне и на вершинах обрывающихся в каньон скальных массивов. Если оказаться здесь не ранее начала июля и позже, да ещё в хорошую, солнечную погоду, то на вершинах скал южной экспозиции цветут шиповник, или роза колючая, арника Ильина (её можно встретить и на платообразных прирусловых каменных площадках), лапчатка Кузнецова и смолёвка малолетняя. Небезынтересно, что локальная популяция арники в каньоне Ния-ю отличается очень высокой численностью. Здесь же, а также на скальных останках встречается минуарция...

На одной из выровненных вершин скальных выходов правого берега каньона учёные-ботаники обнаружили ограниченную по площади (примерно 100 м²) точку произрастания скерды золотистой. Её заросли заходят на бровку водораздела. Там, где скальные выходы коренных пород каньона по обоим берегам граничат с фрагментами полигональных тундр, в 100-150-метровой прибрежной полосе произрастает родиола четырёхчленная, близкий вид к другой, более обычной здесь родиоле розовой.

Вдоль правого берега каньона, там где близко к обрыву подходят участки кустарничково-лишайниково-моховых и кустарничково-дриадовых тундр, стоит обратить внимание на приземистое, но, одновременно,

▲ Смолёвка бесстебельная. Фото Ивана Корзубова

и одно из запоминающихся растений этой части заполярного Приуралья, на эндемика для северо-востока европейской части России горечавку весеннюю, представленную тут арктическим подвидом. Пожалуй, это — самое яркое и красивое растение во флоре каньона. Если нагнуться к земле и прилечь, то удивит исходящий от её зелени характерный свежий аромат с нотками медовой сладости.

Вершины скальных выходов южной экспозиции и бровка водораздела по правому берегу — географическая точка на карте каньона, где расположено компактное место произрастания похожего на одуванчик растения — скерды золотистой.

К краям скальных обрывов на правом берегу примыкают участки полигональных тундр, где можно встретить родиолу четырёхчлен-

ную, генеративные части растений которой контрастно заметны ближе к осени своими бордово-красными листьями. На таких участках её заросли тянутся 100–150-метровой полосой по щебнистым субстратах по обоим берегам над скалами южной экспозиции. Тут же и ниже, на скалах и прирусловых каменистых площадках, растёт тофелидия ярко-красная.

Над обрывами, на вершинах скальных выходов и останцах, среди кустарничково-лишайниково-моховых тундр по окраинам водораздела (преимущественно по правому берегу) и бровки водораздела вблизи скал южной экспозиции можно найти минуарцию красноватую, смолёвку бесстебельную и пепельник разнолистный. Небезынтересной окажется экскурсия по долинам впадающих в пределах каньона ручьёв правого берега, где одно из красиво-цветущих расте-

▲ Фиалка двухцветковая. Фото Павла Горбунова

▲ Вудсия гладковатая. Фото Александра Иванова

▲ Подмаренник густоцветковый.
Фото Владимира Колбинцева

ний этой части Приуралья бодяк девясилородный образует обширные монодоминантные заросли.

Нивальные участки и луговины

Каньон на реке Ния-Ю имеет змеевидную форму, извиваясь тянется от горных хребтов в сторону долины Усы. Поэтому в нём немало затенённых участков, где снежники не тают даже летом, особенно часто они располагаются на склонах северной экспозиции. Из-под снежников постоянно сочится вода, текут тонкими струйками ручейки. Почва под снежниками сохраняется всегда избыточно увлажнённой и мало прогревается, отчего развитие и вегетация растений очень замедленны.

Рядом со снежниками развиваются своеобразные по набору растений нивальные группировки. Тут много стелющихся по поверхности грунтов форм, например, ив (полярной и сеччатой) и травянистых растений — помимо осок, — лаготис малый, мытник Эдера, сибальдия распростёртая и фиалка двухцветковая. Непосредственно под снежниками растут весьма запоминающиеся цветковые растения кисличник двустолбиковый и мытник приятный.

Там, где между стенками каньона внезапно следуют провалы бере-

гов, а у речного потока образуются выровненные или слабо наклонённые к воде участки, развиваются луговины. Среди разнотравья тут можно найти заросли иван-чая и куртины таких красиво-цветущих экзотов как копеечник арктический и подмаренник густоцветковый

Гроты и трещины

В слагающих стены каньона скалах много всевозможных трещин, выемок, углублений и даже гротов. В них ска-

▲ Лаготис малый.
Фото Лидии Онищенко

▲ Мытник приятный.
Фото Павла Горбунова

▲ Копеечник арктический.
Фото Лидии Онищенко

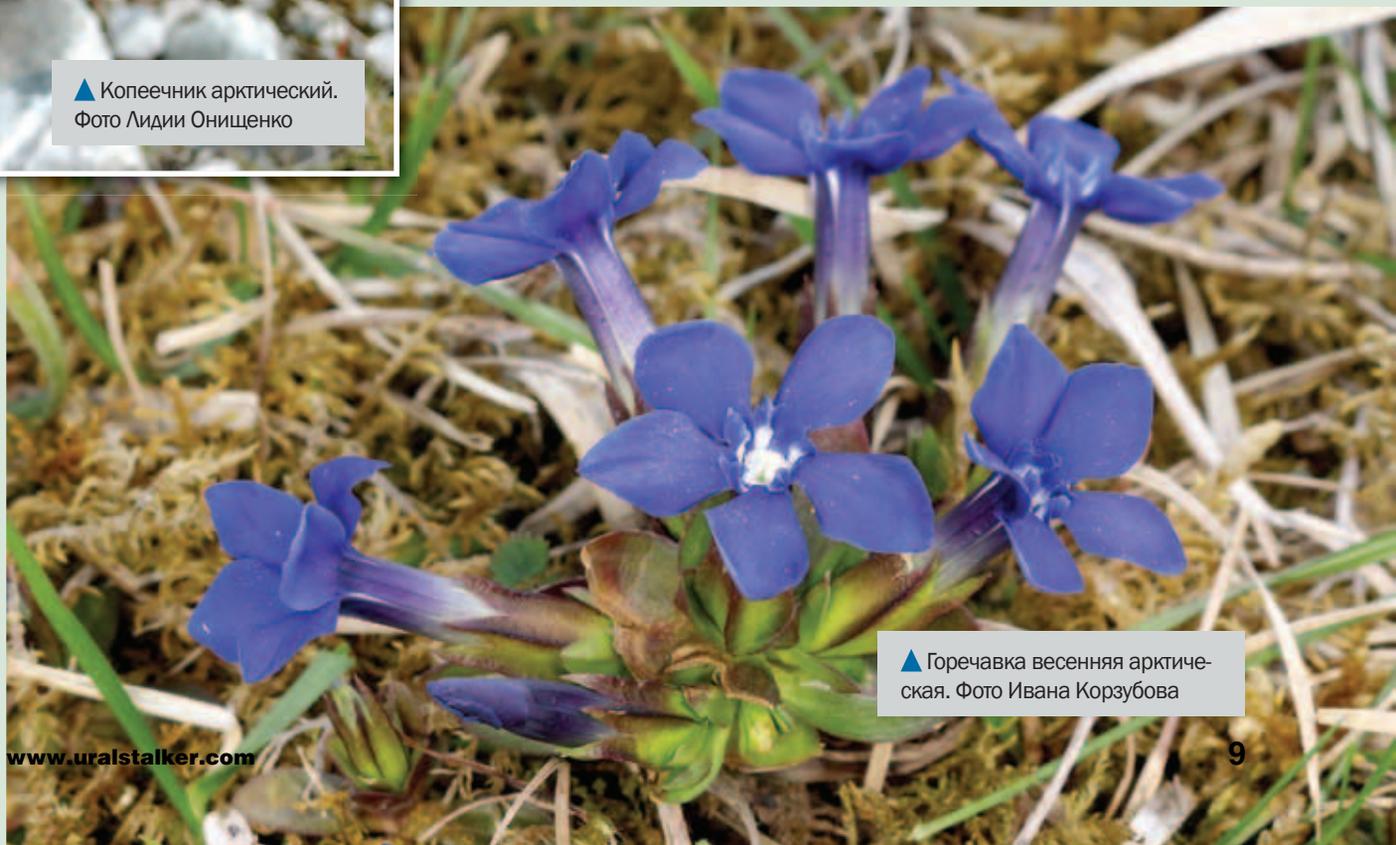
пливаются приносимые ветром и стоками воды частички грунта, и постепенно создаётся благоприятная среда для поселения растений. Их семена заносятся также ветром и водой. Среда для заселивших эти биотопы растений крайне неблагоприятна — ограниченный объём почвы, окружение скалами и иные факторы создают здесь экстремальные условия существования.

Флора здесь весьма специфична. Это — своеобразное царство папоротников и камнеломок. В небольших сы-

рых гротах и трещинах скал обитают папоротники — пузырник Дикки, криптогамма Стеллера и вудсия гладковатая. Их непривычного для тундры и гор вида ваий (листоподобные побеги) очень эффектно выглядят на фоне серых и тёмных горных пород, по трещинам образуют цепочки из растений.

А ещё тут много разных камнеломок (Кузнецова, ползучая, снежная, колочая и другие). В трещинах скал и на мелкозёме селятся ллойдия поздняя, кисличник двустолбиковый и родиола розовая. Из мало ожидаемых растений здесь встречается подмаренник северный, который обычно произрастает на лугах. Если повезёт, то на скалах и каменных площадках можно обнаружить василистник альпийский и арнику Ильина.

В заключение отмечу, что почти все из перечисленных выше растений обитают тут на пределах своих ареалов. Среди них есть виды с сибирскими, азиатскими и азиатско-американскими ареалами, характерные для арктических широт и горных ландшафтов. Такого богатства флоры на относительно небольшой территории нет нигде больше на Полярном Урале и в его предгорьях. Одна из причин подобного явления — большие массивы древних известняков, сквозь которые русло Ния-Ю прорыло себе проход. Как известно, известняки нейтрализуют кислые тундровые грунты и создают благоприятные условия для выживания вселенцев из других, даже удалённых, регионов. Поэтому растения района каньона Ния-Ю и их местообитания заслуживают всемерной охраны. **УС**

▲ Горечавка весенняя арктическая. Фото Ивана Корзубова

Последняя встреча

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Валерий Денеко

Преподаватель УГЛУ, бывший охотник, путешественник, пишет о природе. Урал — любимое место на планете. Кумиры: Бианки, Улуиткан.

Фото автора

В северных посёлках — повсюду на улицах лайки, и нет такого двора, где бы их не было. Без этих собак трудно представить себе жизнь северного человека.

В посёлке собаки живут своей жизнью, а люди — своей. Как в лес пошли — так человек и собака, словно верёвочкой повязаны, и ни за что не порвать эту самую верёвочку до самого выхода из тайги, потому как повязаны они ею добровольно — совместным, страстным желанием побродить по тайге-матушке.

Собаки мои просто с ума сошли от нетерпения во время моего сбора в тайгу. И тут уже цепь — не цепь и забор — не забор. Попробуй, оставь-ка кого-нибудь из них дома, да не возьми-ка с собой, всё порушит, все поломает, а крику и воя будет столько, что назавтра все соседи с округи придут просить за него.

Мои собаки жили неплохо, они тайгу видели. Работа у меня была лесная, и я больше жил в лесу, чем в посёлке, а вот соседский пёс Джек, видя наши счастливые морды, крепко страдал. Душа-то у него тоже охотничья

была, да вот беда — хозяин его работал на нижнем складе, в лес выбирался не часто, да и не охотник он был. Ничего не скажешь, не повезло этому Джеку в жизни.

И вот однажды пожалели мы этого бедолагу и взяли с собой. Носило нас по тайге в тот раз целую неделю, спугивали мы шумных рябчиков, быстрых тетеревов, осторожных куропаток и важных глухарей. Видели лосей и слышали, как возле нас ночью крутились медведи. Провожали на брусничных берегах озёр тихие вечера под свист утиных крыльев, а поутру со встречей солнца купались в хрустальной водице. Пёс все эти дни был вне себя от радости. По нему было видно, что служить с друзьями таёжному человеку — это высшее его счастье.

Прошло много лет. На севере я уже давно не жил, но как-то раз оказался там по своим делам буквально на несколь-

ко дней. Многие мои знакомые уехали из посёлка к этому времени, не жил в посёлке уже и хозяин Джека.

И вот, стоял я на вокзале и ждал поезд. Народу собралось прилично, дело было под ноябрьские праздники, и уже снег лежал повсюду — и не малый. Было холодно, пронизывающий ветер не давал всему живому покоя. Стая поселковых собак крутилась около мусорки, и я от нечего делать стал наблюдать за ними.

Один из псов был с перебитой передней лапой и потому выделялся из всех своей беспомощностью. Пёс этот был старый и, видимо, жил вольно, без хозяев. Трудно ему было среди своих более молодых и здоровых собратьев отстоять своё место под солнцем и, как видно, жизнь его была нелёгкой. Одно ухо у него было оторвано на чисто, второе свисало клочьями. Видно было, что и от людей он пострадал однажды, стреляли в него, и этот выстрел оставил его без глаза, а всю морду испеприл оспинками.

Вскоре направились псы в нашу сторону и, проходя мимо, я вдруг увидел, как этот жалкий пёс резко повернул морду в мою сторону, весь выпрямился и как бы загнулся обо что-то. Тут толкнули его сзади, он огрызнулся, оскалив беззубую пасть и тотчас сел. Смотрел он на меня нерешительно, как-то виновато-заискивающе и как бы рещал в смятении: «Снизойдёт он до меня такого-то или ударит ещё.»

Смутная догадка промелькнула у меня: «Джек, ты!?».

Что тут началось, Джек прыгал мне на грудь, носился кругом, забыв про свою лапу, старался лизнуть в лицо, лаял. Весь народ, что был на перроне, усталился в нашу сторону. Интересно всем, как это бродячий поселковый пёс, едва стоящий на ногах, и вдруг запрыгал как молодой около какого-то всем незнакомого дядьки.

Тут подошёл поезд, засуетилось всё.

Отошли мы с ним в сторонку, прижал я его к себе, глажу, и, вот беда, угостить-то мне его даже нечем, ничего нет с собой, а он так и дрожит весь от радости, ногами так и перебирает, всё норовит до лица дотянуться.

Прогудел поезд и тихо тронулся. Дёрнулся я, Джек слегка отпрянул. Сошлись мы с ним взглядом прощальным, заскочил я на подножку, что-то крикнул ему, уж не помню, а он так и не шелохнулся за всё время, пока я ещё мог видеть его.

Прошло уже много лет после нашей последней встречи, а помню я её до мельчайших подробностей: его состояние, взгляд и его радость. Всякий раз, как вспомню о ней, так не по себе становится у меня на душе.

Ну почему природа-матушка дала ему и всем этим прелестным созданиям такой малый срок пожить на земле? И от кого, как не от нас с вами, зависит полнота и счастье их такой короткой жизни. **УС**

Проект «Мозаика языков»

Знать территорию, на которой живёшь,— это, пожалуй, один из определяющих факторов выживания племени. Знать, куда спрятаться в случае опасности, знать, куда пойти на охоту,

за ягодами и грибами. Попадая в новую местность, человек всегда сначала озирается по сторонам, потом выясняет особенности территории (где — водоём, родник, гора).

Деревенские жители знают как свои пять пальцев окрестности родного села — в равной степени как мужчины, так и женщины. Правда, у мужчин, в силу необходимости в больших перемещениях, радиус знаний шире, чем у женщин. Но, на расстоянии дневного перехода, местность изучена вдоль и поперёк. К чему я веду этот разговор?

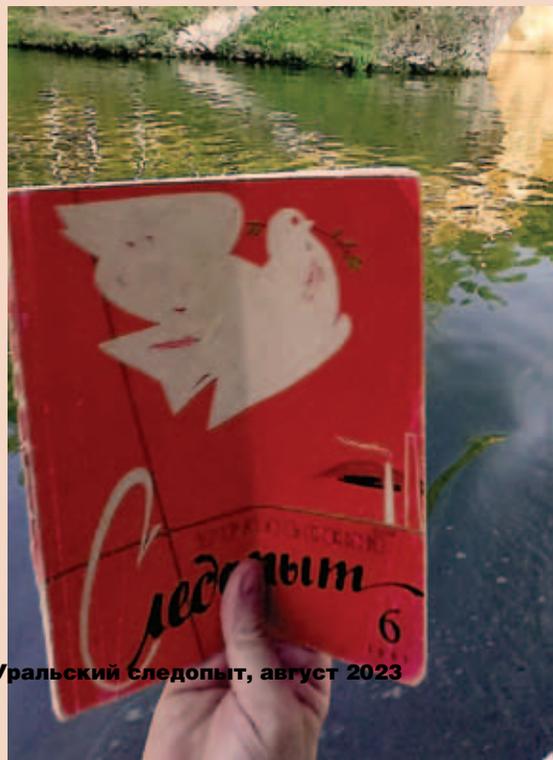
У современных городских жителей нет большой необходимости в изучении города на расстоянии «дневного перехода». Достаточно знать дорогу домой, на работу и в соседние магазины. Это касается в особенности приезжих. Потому что процесс ассимиляции требует много сил и энергии, а, как правило, человек её расходует экономно. Имея выходной, вряд ли он его потратит на путешествия, в отличие от местного жителя.

Проживая несколько лет на одном месте, человек приобретает внутрен-

нюю уверенность в том, что вполне уже может сойти «за местного жителя». Это, конечно, так. Но, при условии, что отсутствуют серьёзные языковые проблемы. Приезжему русскоговорящему проще освоиться, чем тем, для кого русский язык — иностранный. В Свердловской области, согласно переписи 2020 года, проживает больше 50 национальностей. Безусловно, русский — объединяющий язык, язык государственный. Но знание своего родного языка — очень важно. На Урале проживают как коренные народы, так и те, которые в силу разных обстоятельств оказались в качестве «пришлых». Но не важно кто ты — важно то, что, живя и работая на Урале, нужно любить это место и по мере своих сил изучать его.

Журнал «Уральский следопыт» уже больше 80 лет является экспертом в области краеведения по Уралу. В 2023 году мы приступили к новому

проекту, поддержанному Министерством образования и молодёжной политики Свердловской области — «Мозаика языков». Свою миссию в этом проекте мы видим в том, чтобы рассказать о достопримечательностях нашего удивительного региона на языке народов, здесь проживающих. Тем самым помогаем изучать родной язык, изучая малую родину. А гражданам, не говорящим по-русски, даём возможность узнать Урал на том языке, который они знают. **УС**

Экскурсия в каньон на таджикском

Одной из первых в рамках проекта состоялась экскурсия членов таджикской диаспоры «Дидор» в Каменск-Уральский район. В Свердловской области это третий по численности народ после русских и татар.

Путешествие одного дня, достаточно насыщенное по программе и по впечатлениям. В городе Каменске-Уральском мы не пошли по традиционной программе музеев и экскурсий, а сразу отправились в этнопарк «Угорское поселье». Действо с шаманом и битва на древних мечах, изучение сакральных музыкальных инструментов — для потрясающего мелодичных таджиков — было настоящим открытием, и любопытству не было конца. Какие народы жили

на территории Каменска-Уральского, чем занимались — об этом у туристов было много вопросов. В продолжение путешествия — экскурсия на речном трамвайчике по реке Исети. Да, именно по той самой Исети, которую все знают и видели в Екатеринбурге. Маршрут проходил по так называемому Исетскому каньону. На этом участке реки много отвесных скал, а глубина порой доходит до 30 метров! Около 300 млн лет назад здесь плескались волны Уральского моря. Поэтому лю-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Шлентова

Родилась и выросла в г. Свердловск. Закончила Академию государственной службы. Впервые в руки взяла фотоаппарат в 13 лет. На сегодня видеосъемка из хобби превратилась в профессиональную деятельность. Страсть к путешествиям — тоже с детства. Примером в этом ей служит французская путешественница Александра Давид-Неель, которая в 56 лет вдвоём с сыном под видом нищих странников пешком через Гималаи пришла в столицу Тибета — Лхасу, в то время закрытую для всех иностранцев (и уж тем более — женщин).

Фото автора

бознательному туристу будет интересно не только на кораблике пройти Исетский каньон, но и пешком неспешно прогуляться по скалистым берегам. Пытливый взгляд может рассмотреть достаточно большое количество окаменелых отпечатков древних водорослей и моллюсков. А названия скал вызывает улыбку – «Поцелуй двух хомячков», «Лягушка». Конечная точка нашего речного путешествия – скала «Каменные ворота», это наиболее известная из скал Исетского каньона. Она достигает высоты около 20 метров и имеет сквозное отверстие посередине. Образование отверстия связано с карстовыми явлениями. Многие экскурсанты детство и юность провели в горном Таджикистане. И небольшое путешествие

по скалистому каньону реки напомнило родину. Конечно, всё в уменьшенном размере: и горы ниже, и река совсем не бурная.

Наблюдая за взглядами путешественников, улавливая их настроение, я чувствовала, что именно сейчас, в этот день для них открывается истина – мы все живём на одной земле и одинаково её любим. И надо иногда выходить за рамки привычного ритма жизни, чтобы узнать эту землю получше! Экскурсию подготовил Николай Ерохин, а провела для уральских таджиков Мастбегим Ошурбекова, президент общественной организации «Дидор».

С видеоэкскурсией в рамках проекта «Мозаика языков» можно познакомиться на видеоплатформах «Уральского следопыта». **УС**

Аэропорт Уктус

Прерванный полёт

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

Фото Максима Фролова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Есть в Екатеринбурге такой забавный микрорайон — Ботанический. Интересен он по многим причинам. Его начинали строить в одной стране — Советском Союзе — а закончили уже в России. Здесь есть улица Крестинского, которая пересекает саму себя. К жилым кварталам, несмотря на все пертурбации, проложено метро, чему жители других уголков города Ботанике завидуют. А сам жилой массив частично расположен на территории бывшего аэропорта Уктус.

Два года назад в его здание я и отправилась. Сейчас строения уже нет. Первые воздушные ворота столицы Среднего Урала снесли в конце ноября 2021 года ради постройки других ворот — автовокзала, совмещенного с торговым центром. Различные активисты, любители архитектуры и защитники исторического наследия призывали оставить комплекс аэровокзала, вписать его в современный облик, это же памятник целой эпохи! Но равнодушные экскаваторы быстро превратили

сталинский ампир в строительный мусор, который вывезли не менее равнодушные самосвалы. Аэропорт, кстати, «не сдавался» — во время сноса одна из машин с ковшом опрокинулась! К счастью, обошлось без жертв.

Этот комплекс (радиомаяки, техническая поддержка и метеопункт) для обслуживания уже существующей магистрали Москва — Владивосток начал работу 1 июня 1936 года, само здание вокзала построили чуть позже. Моя некогда родная газета «Уральский ра-

бочий» сообщала, что «в основу архитектурного оформления положены чёткие, простые линии. Над центральными входами, обращёнными к городу и лётному полю, будут скульптурные крылья — лётный знак. Центральную часть здания займут вестибюль и ресторан со столовой для лётного состава. На первом этаже разместятся управление связи, радио и метеорологическая служба, контора аэропорта, кабинет врача, приёмная. На втором — гостиная для пассажиров, кабинет начальника порта, комнаты отдыха пилотов, ванные, душевые. Вблизи ресторана будут гостиная и комната пассажиров с видом на лётное поле».

Самолёты летали не только к восходу солнца, но и в Тюмень, Челябинск, Магнитогорск, где был тогда запущен крупнейший в мире металлургический комбинат.

Я успела застать эту смесь эпохи Великого перелома с безличием практицизма современности. Колонны, лепнина, неповторимое внутреннее убранство и планировка, остатки мебели смотрелись абсурдно со стеклопакетами

www.uralstalker.com

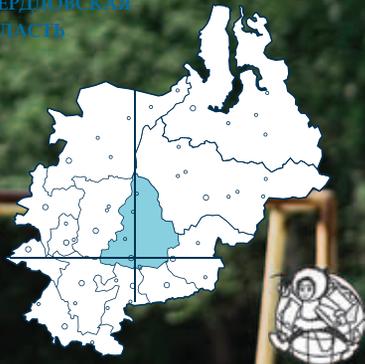
на окнах и автостоянкой по соседству. Охранник, словоохотливый дядечка в возрасте, рассказал, что раньше перед зданием ещё стоял памятник Отцу народов, а под землёй располагалось бомбоубежище. Но памятник Вождю снесли при Хрущёве, а катакомбы приспособили под складские помещения.

Пик работы аэропорта пришёлся на 1970-е и начало 1980-х. Тогда воздушная гавань принимала и отправляла до 50 (!) рейсов в день. Сегодня это звучит фантастически, но наши родители спокойно летали на «кукурузниках» даже не в города, а в посёлки. Например, в п.г.т. Арти. Ну, а что? Какой-то час болтанки, и ты на месте. Затем аэ-

ропорт перенесли в Арамиль на бывший военный аэродром, находящийся рядом Уральский завод гражданской авиации тоже переехал, а территорию застроили панельными и кирпичными многоэтажками. Осталось только здание вокзала. А два года назад и его не стало... **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В киле нет ничьей

Русская игра с мужским характером

Казалось бы, что может связывать сегодня Великий Новгород и Средний Урал? Оказывается, есть что: это кила — русская командная игра в мяч. Её корни уходят аж во времена Новгородской

республики. Тут и силовые единоборства, и игра руками и ногами. И двое наших земляков — Степан Спири́н и Григорий Здесенко — эту народную забаву продвигают.

Взгляд назад

Первые упоминания командных игр с мячом на Руси относятся ко временам существования Новгородской республики. Олигархическое образование разгромил Иван Грозный, но забава осталась. В 1793 году немецкий художник и гравёр Кристиан Гейслер, почти десяток лет работавший в России, запечатлел на своей гравюре «Das Ballspiel» русскую игру с мячом.

А в 1867 году в выпуске газеты «Вологодские ведомости» встречается первое подробное описание килы: «Игравшие мячом разделялись на две партии, действовавшие одна против другой. Мяч пинали ногами, хватали его в руки, и, нередко бегали с ним, пока

не встречали сопротивления с той или другой стороны игроков, которым хотелось одолеть свою противную сторону всевозможными манерами, догнать мяч до условленного места, которых было два: на том и другом конце пространства, представлявшего поприще этой игры мячом. Победившая сторона начинала снова игру, и, таким образом, она длилась часа два или три».

Само понятие «кила» в литературе впервые применил писатель Николай Помяловский в произведении «Очерки бурсь».

Играли в килу преимущественно зимой, в последний день Масленицы. Сотрудниками Всероссийского музея-заповедника «Кижки» во время этно-

графической экспедиции по Заонежью в 2008 году были зафиксированы такие воспоминания местных жителей: в старину с помощью игры крестьяне решали, кому достанутся самые рыбные места в Онежском озере в предстоящем рыболовном сезоне. Местом для игры становилась любая плоская ровная поверхность: те же замёрзшие река или озеро. Мяч для игры так и назывался — «кила».

Степан Спири́н:
кила не для слабых духом
(инструктор по спорту,
Талицкий район)

— Самое главное отличие от регби — это наличие двух уровней: зем-

Правила

- ◆ Игра ведётся набивным кожаным мячом, исходя из возрастной категории игроков: 900 гр. для игроков до 10 лет, 1200 гр. от 10 до 16 лет, 1500 гр. от 16 лет. Поле для игры представляет собой прямоугольник с продлёнными боковыми линиями: длина игровой зоны — 40 м, ширина — 20 м. Допускается натуральное или искусственное травяное, песчаное, снежное, земляное покрытие игрового поля.
- ◆ Цель игры: занести мяч в руках в город соперника, преодолевая силовое сопротивление. Взятием города считается, когда игрок с мячом в руках заступает обеими ногами за линию города либо падает с мячом в руках так, что все части тела оказываются в зоне города, при этом мяч не должен коснуться земли раньше, как все части тела игрока окажутся на зоне. Поймать мяч, брошенный партнером или противником на территории города, не считается взятием.
- ◆ Игра ведётся в две схватки или в три схватки в случае равного счёта по выигранным схваткам. Ограничения по времени и количеству взятий в схватке определяются регламентом спортивного состязания. За победу в схватке ватага присуждается 1 очко. В случае счёта по схваткам 1:1 назначается дополнительная схватка.
- ◆ Перед началом игры жеребьёвкой разыгрывается между двумя атаманами — кому начинать игру. Ватага начинает игру, кладя мяч на линию своего города. Серединную линию можно пересекать только после стартового свистка судьи.
- ◆ Способы ведения игры разделяются на два уровня: «воздух» и «земля». Пока мяч касается земли (или оказывается в воздухе, отскочив от земли), играть разрешается только ногами. Чтобы перевести игру на уровень «воздух», необходимо ногой навесить мяч, тогда его руками может схватить другой игрок (самому себе навешивать запрещено), либо пнуть мяч, чтобы он отскочил от другого игрока и, не коснувшись земли, оказался в воздухе. Трогать руками мяч, который касается земли, запрещено. В случае нарушения этого правила мяч переходит сопернику, который разыгрывает его ногой с земли от места нарушения. Если игрок с мячом в руках падает таким образом, что мяч касается земли, игрок обязан выпустить мяч из рук.
- ◆ Вышедший за поле мяч разыгрывается соперником игрока, от которого ушёл мяч, ногой с земли с точки, где мяч пересёк границу. При этом ватаги разделены друг от друга условной границей, идущей параллельно линии города от места пересечения мяча с боковой линией до противоположной бровки. Любые игровые действия разрешается совершать только после свистка судьи. В случае выхода мяча за пределы игрового поля ближе, чем 5 метров от линии города, мяч переносится на 5-метровую точку бокового розыгрыша.
- ◆ Любая борьба на земле ограничена 3 секундами. По истечении 3 секунд игроки должны подняться с земли, не препятствуя друг другу, и продолжить игру. В случае, если борьба на земле идёт с мячом, и по истечении 3 секунд игрок не сделал передачу либо прижал его своим телом, то мяч считается «мёртвым» и переходит соперникам.
- ◆ Все нарушения разыгрываются ногой с земли от места нарушения. При розыгрыше мяча ватаги разделены друг от друга условной прямой линией, идущей параллельно линии города от места нарушения. Любые игровые действия разрешается совершать только после свистка судьи

ля и воздух. Если мяч упал на землю, то поднять руками игрок его уже не может. Может только навесить соратнику (именно так!) по команде. И ещё одно отличие: пасы разрешены в любую сторону любое количество раз. Есть несколько форматов игры. Малая кила: три человека на поле, она сейчас активно развивается. Разрешено атаковать только соперника с мячом. Основной формат, по которому проводится, например, Богатырская сеча — это пять на пять. Там уже разрешена атака любого соперника, но борьба на земле ограничена тремя секундами. Есть вариант для детей, или начальный уровень — бесконтактная кила. А так можно играть хоть деревня на деревню, просто площадка увеличивается и всё.

У килы весьма специфические термины. Команда — это ватага, капитан — атаман, зона занесения мяча — город. Так было и в оригинальной игре, той самой, в которую играли новгородцы.

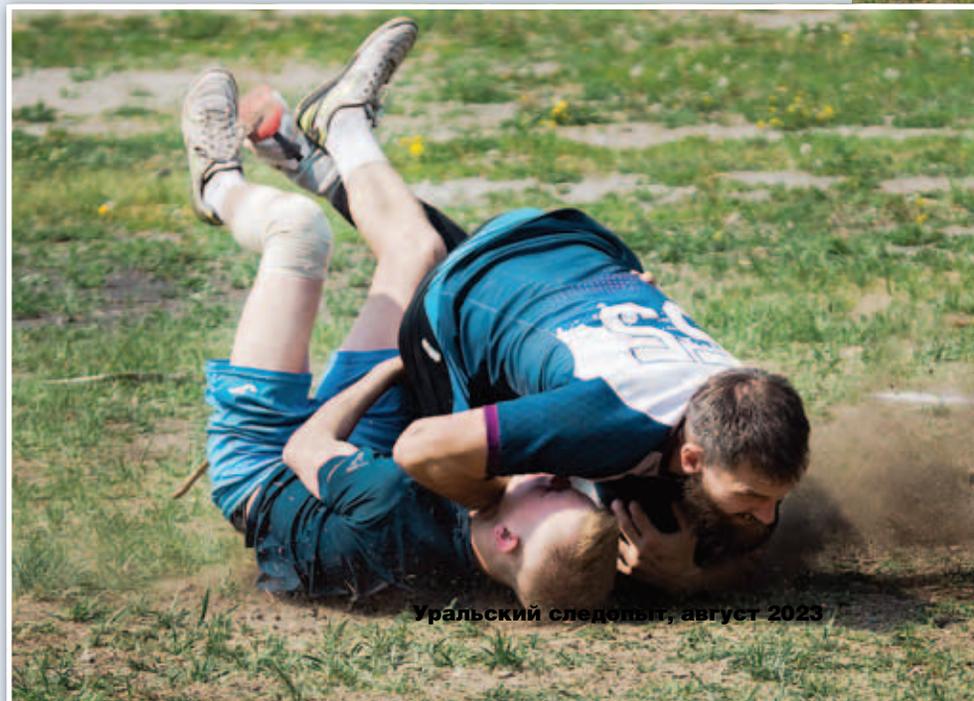
Да, кила чем-то похожа на регби, но когда звучит русское слово «кила» — а не регби — то игра воспринимается совсем по-другому. Это преемственность, память о своих корнях. А вот когда в Российской империи начался бум развития спорта, преимущественно английского — футбол, бокс, теннис — то русские народные игры стали

забываться. При советской власти контактные виды спорта старались вообще убрать из жизни деревни, чтобы люди не дубасили друг друга. Опять же, череда войн — многие мужчины просто погибли и не смогли передать традиции потомкам. Плюс индустриализация, рост городов.

Сейчас, когда кила потихоньку развивается, не удивлюсь, что где-то в архивах, в частных собраниях вслышут письменные упоминания об игре, и мы ещё больше о ней узнаем.

Я работаю инструктором по общефизической подготовке в Талицком

районе. С 2018 года мы проводим фестивали учащейся молодёжи, где мы знакомим ребят в том числе и с русской культурой, народными играми. И возникла идея поиграть с ними в лапту. Сам я только в детстве играл в неё, всё забыл. Нашёл в интернете ребят из Екатеринбурга, приехал, познакомился, поиграл. А потом Григорий Здесенко говорит: «Оставайся, есть ещё такая игра «кила», хочешь попробовать?». Вот так случайно я с игрой и познакомился. А Григорий является региональным представителем Федерации килы России.

Травмы

Травматичность не более, чем в баскетболе. И меньше, чем, в футболе. Тем более, на асфальтовом покрытии в килу не играют.

Есть определённые риски, техника захвата и прочее. Но мы такое на тренировках отработываем. Это больше страх в голове. Когда идёт полный контакт, есть риск травмироваться. Но игроки, выходящие на поле, это осознают. Серьёзные травмы — единичные случаи.

Встретились, и они говорят: давайте уже в контакт. Поэтому в будущем году планирую разработать целую программу общефизической подготовки для детей младшего школьного возраста. А кила будет как один

В Талице начинали развивать игру со взрослых, от 18 лет. А потом перешли и на младшие возраста, начиная со второго класса. По мере возможности ездим по области, проводим тренировки, мастер-классы. Детей, подростков игра затягивает. Я готовлю ребят для выступления на военизированной эстафете. И в какой-то из дней я им предложил сыграть в килу. Начали с бесконтактного формата. Парни так втянулись, что не хотели уходить. Договорились встретиться и сыграть снова.

www.uralstalker.com

▲ В 2016 году мы с друзьями первый раз попробовали сыграть в килу. До этого играл в баскетбол. После института (Юридическая академия) — армия. Занимался бегом, кулачными боями, лаптой. Теперь вот кила. Мой товарищ из Богдановича Дима Воробьёв предложил. Наспех правила посмотрели, сыграли — вообще «на ура» пошло! Помню то чувство тогда, я понял: это то, что нужно... Свой первый мячик я сшил из автомобильной кожи и бабушкиного одеяла. Неплохо получилось, до сих пор этот мячик жив. Когда-нибудь в музее килы я его выставлю

из элементов ОФП (их развития духовного и физического). Тем более в народных подвижных играх больше важен даже не результат, а процесс. Кила развивает силу, выносливость, координацию, ловкость, скорость. У взрослых в приоритете — это силовая и общая выносливость.

Это ещё и духовная наполняющая, коллективное взаимодействие, работа в команде, уверенность в себе. Чтобы войти в игру, не требуются специальных навыков, как, например, в футболе. Здесь низкий уровень входа, любое физическое состояние. А бесконтактный вариант доступен вообще всем.

Но надо учесть — это не для слабых духом. Один из первых девизов килы: Игра с русским характером. Здесь в сторонке не постоишь. Воля, дисциплина, дух, внутреннее состояние, преодоление себя. Если этого не будет — игра тебя вытеснит. Кто не привык трудиться — тот игру не воспримет. Есть такие, у кого другие приоритеты, больше личностные: как бы самим не употеть, пускай другие потрудятся. Они килу не принимают.

Григорий Здесенко:
кила — суть нашего народа,
всё время находишься
в борьбе

(региональный представитель
Федерации килы России)

— Если говорить про Екатеринбург, то сегодня мы начали активно вы-

ходить на студентов. В конце августа прошлого года у нас в ватаге начались проблемы с составом: кто-то уехал, кто-то просто перестал ходить. А нас в это время пригласили в Уральский Государственный Горный университет провести мастер-класс. Мы его провели, всё прошло «на ура», и за эту возможность решили зацепиться. Начали агитацию: давайте сделаем секцию на базе Горного. В самом университете нашлись люди, которые эту идею поддержали.

Нам выделили для тренировок спортзал и час времени. Немного — но что-то, это лучше, чем ничего. Затем согласовали турнир по киле: и каждый факультет выставил по команде. И сразу же на тренировках появилось множество людей. Игра студентам понравилась. Уже создана своя ватага «Горный алмаз». На турнире кипели нешуточные страсти.

В результате, наша ватага заметно омолодилась. Если раньше средний возраст команды был примерно 30 лет, то сейчас половина состава — это 18–23 года. То есть ребята идею подхватили. Чтобы закрепить результат, мы провели турнир по малой киле и начали готовиться к главному Кубку России «Богатырская сеча». Мы доукомплектовались молодёжью: у них глаза горят, дисциплина выше, чем у «старичков». Надеюсь, что опыт плюс молодость дадут в этом году результаты.

В 2018 году в Екатеринбурге появилась ещё одна ватага. Мы с ними состыковались, начали вместе тренироваться. А в августе того же года я понял, что нужно выходить на другой уровень, с достойными командами-соперниками, турнирами. Написал всем, кто так или иначе был причастен: собираемся в Екате-

ринбурге в Зелёной роще, будет тренировка.

Поначалу собирались 2-3 человека. Но Зелёная роща — это такая любительская спортивная площадка, там все подтягиваются, бегают. И мы перед каждой своей тренировкой подходили к людям и спрашивали: хочешь сыграть? Настоящая мужская игра... И где-то процентов 30, а иногда и 50 соглашались. В итоге мы собрали свою ватагу. Начали стабильно тренироваться, и через какое-то время к нам в гости приехала ватага из Кургана. Сыграли — выиграли. К ним съездили в гости — снова выиграли.

На первый Кубок мы не поехали: состав ещё не сформировался, да и не готовы были. А с 2020 года мы регулярно ездим на эти соревнования. Первый раз — пятое место, второй — четвертое, третий раз — третье место. В этом году будет турнир в Нижнем Новгороде. Туда и готовимся, будет много ватаг со всей России.

Кила не терпит подлости и предательства, хитрости в плохом смысле этого слова. В такой обстановке ты не можешь не показать свое «Я». Кила — это как лакмусовая бумажка, она выявляет хороших и плохих.

Это суть нашего народа. Наш народ всё время находится в борьбе: с природой, внешними врагами. И кила — про это же: ты всё время находишься в борьбе. Это воспитание наших будущих поколений, здесь невозможно быть инфантильным. А инфантилизм, как я считаю, это бич современной молодежи. С развитием виртуальной реальности всё ещё и усугубляется. А кила это искореняет в людях, заставляет мальчиков становиться мужчинами. Воспитывает дух, воспитывает мужество.

▲ Мне интересно развивать килу не только как вид спорта. Это как способ воспитания, взгляд на жизнь. Кила — это моя жизнь. Семья и кила. Дочь твердит: папа уехал на килу! Кила-кила-кила! Сделал ей мячик — ну, а куда деваться?

В киле три схватки. Если в первых двух результат 1-1, то именно третья показывает, у какой ватаги больше духовной силы. Игра идёт в первую очередь на счёт, а если уж за отведённое время (10 минут) ни одна из ватаг не оформила три взятия — тогда смотрят у кого их больше. И в киле нет «ничейного» результата.

Не будем лукавить — для килы нужен определённый уровень физической подготовки. Какой-нибудь мужик с огромным пузом никогда не пойдёт. Но игра ещё не признана официальным видом спорта, поэтому тут нет профессиональных спортсменов. Да, нужно поддерживать себя в форме, тренироваться. Но в киле каждому найдётся место, не обязательно быть здоровым или очень быстрым. Есть разные такти-

ки. И если ты маленький-худенький, то тебе в киле место найдётся.

Есть, конечно, на соревнованиях требования к экипировке: килетка-футболка, закрытые ноги, шорты с компрессионными штанами. Но это на турнирах. А так, ты можешь прийти на тренировку в обычных шортах и футболке. Вот мы провели, например, тренировку для студентов Горного, затем Кубок по малой киле: никаких особых требований к форме мы не выставляли. Просто люди пришли поиграть, и всё.

А если проводит соревнования Федерация — то требования к форме обязательные. И это правильно. Форма обязательно нужна. ☑

Беседовала Наталия Дудко.

Бывший Шабровский тальковый комбинат. Заброшенное предприятие находится в 27 километрах от Екатеринбурга, и в народе это место больше известно как карьер Старая линза. Производство заработало в 1931 году, в 1943 была построена обогатительная фабрика (а в 1954 — ещё одна). Сейчас о былом промышленном величии напоминают заброшенные корпуса цехов и подъездные пути.

Когда-то здесь пилили тальк

Старая линза

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Максим Фролов

Проектировщик. Рыбак, бывший охотник, авто-, велотурист. Фотограф-любитель.

Фото автора

В 1980 годы предприятие было реконструировано: появились несколько элеваторных линий и новые корпуса. А в 2017 году комбинат был официально признан банкротом. То есть, во время Великой Отечественной войны производство расширилось, а в относительно мирный XXI век оно вдруг стало не нужно.

Для заброски комплекс достаточно неплохо сохранился. Ну да, есть и битые окна, и обрушенные стены. Но большинство строений разрушиться ещё не успело. А вот оставленные видеокассеты, книги, посуда и документация создают впечатление, что люди, работавшие здесь, взяли и куда-то недавно дружно ушли. Даже в бане мочалки лежат. И ещё почему-то много противогололёдных.

Вообще, людей больше привлекает именно карьер. В 1974 году он был законсервирован, а предприятие занималось откачкой воды. Глубина Старой линзы около 100 метров, она была затоплена в начале 2017 года, сейчас она представляет пруд. Это самая насто-

ящая Мекка для дайверов. На дне карьера находятся промышленные пилы, оборудование, и даже старый экскаватор.

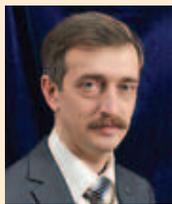
А вот сам комбинат искателям приключений интересен меньше. Ну и хорошо — он лучше сохранится. Кстати, тут заметно, что здания строились не в одно время, а в разные годы. Цеха — более современные (из железобетонных блоков и кирпича), а вот

заводоуправление и баня отсылают к довоенной архитектуре. И как элемент современности — пластиковые окна.

Интересно, сегодня подобную промышленную зону можно под что-то приспособить? Или только под снос? И — да, не ходите туда в потёмках: в цехах комбината много технических отверстий в полу — ещё ноги себе переломаете. **УС**

Андрей Затонский

Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации технологических процессов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. Мастер спорта и инструктор международного класса по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России.

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Фото автора

Медленно, Река Кожим. Переправа

Дождь в походе — дело обычное. И отношение к нему обычно философское: ну, когда-нибудь пройдёт. Но было раз, что он заколебал нас неопишимо. Беспредельно. До истерики.

Перейти, чтобы не утонуть

Почти весь поход 2007 года дождь то поливал, то покрывал, а под конец вообще распоясался. Несколько дней назад мы прошли неподалеку от горы Грубе-Из, то есть с Полярного Урала перешли на Приполярный, и с тех пор

сухо-то и не было вовсе. Мокрая, набрякшая водой тундра, чавкающая под ногами. Вздутые, бело-мутные, непривычно рокочущие ручьи. Блестящие, скользкие скальные выходы — как, например, в замечательном каньоне в верховьях реки Левая Парнока-Ю, где мы

ДОЛГО, ХОЛОДНО

позавчера долго и нудно искали, как бы перейти, чтоб не утонуть.

И всё бы ничего, но машина-то у нас заказана с базы Сана-Вож, которая находится около впадения реки Балбан-Ю в Кожим, самую крупную реку в этом районе. Мы сейчас от Кожима с севера, а база — с юга. Кожим надо будет переходить.

Какие уж в такой дождь восхождения — мимо красивой горы Лемваиз проходим низами, а влагоносные облака толщятся над самыми головами. Горто и не видно, одни мокрые подошвы. И белые реки, белые реки... И где-то впереди Кожим...

Его, конечно, можно с гарантией перейти выше по течению, до впадения крупных притоков Сэлем-Ю и Яроты. Через два года мы так и сделали, перешли по колено и в хорошую погоду. Но с той же самой гарантией мы тогда опоздаем к машине. Из-за этих дождей шли несколько медленнее, чем сначала планировали, и времени теперь в обрез. Участники скукоженного вида, стараясь сохранить тёплые пятнышки хотя бы под мышками, вяло шлёпают вдоль болотистого берега реки Бадья-Ю. Там, где она впадает, на карте в русле реки несколько островов, и оно расширяется в несколько раз. Это означает, что выше островов скорость течения падает, поток не так сильно во-

лёт по дну тех, кто пытается перебрести реку. Выйдем — посмотрим, удастся ли перейти; нет, так что ж поделать, пойдём в верхи и будем выезжать на чём-то другом, не на заказанной машине.

В такую реку в тапках не полезешь

Реки Приполярного Урала не то, чтоб очень бурные. Здесь небольшое падение (уклон реки на километр протяжённости), не такое, как на Алтае или Кавказе. Там даже небольшие ручейки приходится переходить «связками», то есть по несколько участников, сцепившихся локтями. Глубина по колено может оказаться фатальной для смелого участника. Здесь обычно спокойнее, медленную речку можно перейти одному, погрузившись даже по пояс.

Но, ё-моё, не такую же.

Противоположный берег как-то с трудом виден сквозь пелену дождя. До него не то, чтобы далеко, а кошмарно далеко. Да, речка разлилась на славу. А в полукилометре ниже острова поджимают поток, и даже отсюда видны белые «барашки» резко ускорившегося течения. То есть, если здесь снесёт и не успеть из реки выбраться — там побьёт по камням и, скорее всего, утопит. Малоприятная перспектива.

Речки нельзя переходить босиком, очень больно ногами ступать по камням. Тем более с рюкзаком. Поэтому, чтобы не мочить ботинки в каждом первом ручье, мы с собой таскаем «бродовые тапки». Современная молодёжь называет их «кроссами» и покупает за большие деньги. Но также хо-

роши обычные тапки с закрытым носком из магазинов гостей с юга, которые привязываются к ногам, чтобы не унесло течением. Ничем не хуже кроссов, только в 15 раз дешевле. Но в **такую** реку в тапках не полезешь. Да и ботинки... что их уже беречь. Каждый вечер каждый участник снимает абсолютно промокшие ботинки, отбрасывает их подальше в траву и заползает в палатку. А утром выжимаешь носки, выливаешь водичку — и вперёд. Зато ноги чистые.

Ну что ж, прополощем обувь ещё больше. Обновим, так сказать, водичку.

Снимаю рюкзак, с палкой в руках лезу в реку. Прежде, чем загонять туда всех, надо попробовать зайти одному, понять, как оно там. Без рюкзака, это совсем не то же самое, что с рюкзаком. Даже если упадёшь, есть шанс встать на ноги или выплыть.

Долго и осторожно брожу зигзагами, подыскивая более мелкие места. Вода примерно по пояс, тащит чувствительно. Приходится постоянно передвигаться «на трёх точках», усиленно упираясь палкой в дно. Но вроде бы

проходимо. Вот помню, в 2004-м я сумел переходить после дождей речку Дурную (говорящее название, да?), так сразу почувствовал себя, как... отход жизнедеятельности в унитазе. Забавно было, упёршись ногами и палкой, медленно ехать вниз по течению вместе с дном. Тогда мы выходили на железнодорожную станцию, а поезд-то не машина, он каждый день ходит. Поэтому просто подождали пару дней, вода спала, перешли. Теперь этих дней нет.

Так, а дальше никак. Две трети речки примерно я прошёл, а дальше становится ещё глубже, и камни здоровенные. Когда идёт сцепка, запнувшийся участник, фактически, повисает на остальных, и вся «стенка», не спеша, восстанавливает равновесие. А мне падать очень нежелательно — слишком далеко до исходного берега, где мой рюкзак и все остальные участники. Так что потихоньку, потихоньку, шаг за шагом — обратно.

Вылез, а ног-то нет. Какие-то деревянные столбики, вообще ничего не чувствуют. Доложил ситуацию,

дружно понадеялись, что прорвёмся, и полезли под рюкзаки. Сцепились, глубоко вздохнули, шагнули в воду.

Расцепятся — точно каюк

Разведанный мной кусок проскочили без проблем. Ну, пару раз спотыкались, ерунда. А вот, опустившись в глубину основного русла, затормозили. Валуны огромные, вода почти по грудь. Двое идут, обходя камень, третий, фактически, над ним проплывает, поджав ноги. Всё это медленно, долго, а холодно же — караул. Такое ощущение, что уже вечность бултыхаемся в этой речке, а берег-то ближе не становится. Да и течение здесь чуть-чуть, но всё же сильнее. Переправа, переправа, берег правый... скорее бы уже левый...

Под самым берегом вообще по подмышки, зато вода почти стоячая. Выйти на берег невозможно — у самой травы глубина по пояс. Искать какой-то другой выход нет ни сил, ни желания. Подходишь к урезу берега, валишься кулём в мелкую воду среди зарослей травы

и, как тюлень, потихоньку отползаешь на сухое вместе с рюкзаком.

А ведь это цветочки, мы же только что перешли Кожим сильной сцепкой. На том берегу — слабая, и до них не докричишься, что и как, пока они полречки не пройдут, вообще ничего не услышат. Можно только изображать из себя семафор (руками — левее, правее, куда прёте...) и надеяться, что они не расцепятся. Расцепятся — точно какюк, поэтому Диму с верёвкой отправляем вниз, может, перед буруна-

ми успеет в случае чего кого-нибудь выловить.

Эти идут вообще бесконечно медленно. Двадцать четыре минуты брода. Но не расцепились! Пятнадцатилетняя Аня подошла к берегу, сложила пополам лицом в траву и лежит, ревьёт, ноги и руки не слушаются, встать не может...

Но есть в этом мире какая-то справедливость. Немного отогревшись, мы изо всех отмороженных сил припустили по дороге, идущей тут вдоль берега,

и вскоре, около устья ручья Грубепендишор, наткнулись на вполне годный домик с печкой! Даже не домик, а передвижная баня такая на полозьях, предбанник, здоровенное моечное отделение и парилка без окон. Ох мы её раскочегарили, чтобы отогреться...

А на следующий день нас с Андреем вдвоём-таки смыло при попытке перехода Балбан-Ю к машине, которая — вот она, казалось бы, — ждала нас на противоположном берегу. Но это уже совсем другая история...

Манарага — Краса Приполярья

На Приполярном Урале, в самом высоком районе Уральского хребта, исключительно эффектной вершиной бесспорно является Гора Манарага. Расположена она в 10 км к северу от места впадения реки Манараги в реку Косью.

Макушка горы Манараги представляет собою цепь скалистых бастионов общей длиной около 1,5 км. В целом вершинная гряда скал имеет направление с юго-запада на северо-восток. Альпинисты проложили маршруты на все каменные башни горы и дали им на-

звания (с востока на запад): первая башня — Манарага Северная (1598 м), вторая — Манарага Главная (1663 м), третья — Лопата (1650 м), четвёртая — Голова (1601 м), пятая — Парус (1590 м), шестая — Мизинец (1592 м) и седьмая башня — Южная или Южный жан-

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

◀ Вид от впадения ручья
Профиль Манараги

дарм (1480 м). По альпинистской классификации наиболее простой (1 Б категории) маршрут — на Манарагу Северную, а наиболее сложный (3 Б категории) — на Мизинец. Весьма характерной особенностью горы является большой перепад высоты от макушки до днища долины реки Косью — около 1200 м. От вершинной скальной гряды отходит три гребня. Южный спускается к крутому повороту реки Косью в районе устья ручья Юнко-вож. Западный окаймляет правый борт долины Косью, а северо-восточный протягивается вдоль правого борта долины реки Манараги. С массива горы стекает с десятков ручьёв, большинство из них впадает в реку Манарагу. И только один, сравнительно крупный, ручей уходит на север, впадая в Капкан-вож. В долинах окружающих рек — обширные леса. Верхняя граница лесной растительности в районе горы располагается на высоте 550–650 м.

Макушка Манараги смотрится по-разному в зависимости от направления взгляда. Если смотреть на вершину из долины ручья Профиль Манараги (примерно в северо-восточном направлении), то гора видится монолитным остроконечным шпилем, который особенно красиво выглядит зимой, когда всё вокруг покрывается снежно-ледовым одеянием. Если же на вершину глядеть из долины нижнего течения реки Манараги, то гора предстаёт в виде эффектного изорванного скального гребня. Именно этот вид широко растиражирован в масс-медиа изданиях и является своеобразным брендом Приполярного Урала. Редкая туристская группа рискнёт проложить свой маршрут на Приполярном Урале, не побывав на Манараге.

На Манараге я побывал и летом, и зимой. Особенно яркие впечатления остались от зимних восхождений. Впервые я встретился с Манарагой в далёком январе 1957 года. В составе сборной команды (тогда города Свердлов-

ска) под руководством Виктора Богомолова от железнодорожной станции Косью по долине реки Косью мы подошли к подножию Манараги. Там встретили большую команду московских туристов. Они безуспешно пытались штурмовать Манарагу. Не повезло и нам. Сначала мы поднялись на гребень горы Медвежья Лапа, но, добравшись до первых скал, пришлось отступить. В марте 1968 года на вертолёте мы залетели в верховья реки Косью. Там построили снежную избу, в которой поставили большую металлическую печку. И ночевали припеваючи. А днями совершали восхождения на окрестные вершины. На Манарагу Северную мы поднимались тогда через перевал Студенческий. Погода стояла прекрасная. Эффектно смотрелась цепь вершин Главного Уральского водораздела в верховьях реки Косью. Но особенно красивый вид острого монолитного заснеженного бастиона Манараги удалось видеть от места нашей ночёвки на ручье Профиль Манараги — притока реки Косью. Тогда Манарага предстала перед нашими взорами в виде сказочного замка, покрытого льдом и изморозью. Внизу, в долине, стояла полутьма. А шпиц Манараги алел в лучах заходящего солнца. Такой полуфантастический вид с трудом совмещался с сильнейшим морозом — минус 43 градуса!

Впервые название Манарага было зафиксировано на карте района, ныне именуемого как «Район высших вершин Урала», составленной в 1846 году венгерским путешественником Анталом Регули. Он пробрался в верховья ручья Мань-Хобею и поднимался на Парнукское плато, с которого он прекрасно видел Манарагу. На составленной им карте показана вершина с названием Manärrähä. Только она ошибочно нанесена на левом берегу реки Косью. Регули у подножия горы Manärrähä не был. Он нанёс вершину на карту со слов своего проводника — ненца Tuobing'a. Такой картой, со-

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Иллюстрации
предоставлены автором

www.uralstalker.com

▲ Снежный август

ставленной Регули, пользовались через несколько лет участники Североуральской экспедиции Императорского Русского Географического общества. Однако карта эта не попала в широкий научный оборот.

Впервые печатная типографская информация о вершине с названием Манарага появилась в обширном томе «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой», изданном в середине XIX века по результатам работы Североуральской экспедиции Императорского Русского Географического общества, под общим начальством Эрнста Карловича Гофмана. Его экспедиционный отряд в 1850 году пробрался в верховья реки Косью. Перед участниками экспедиции открылся красивейший вид красавицы-горы. В составе отряда был художник Иван Бермелеев. Он сделал зарисовки с разных направлений (из долины реки, которую ныне мы называем Профиль Манараги, и от реки Манараги). Гофман сделал следующую запись: «Долина, в которую мы вступили, отличается от других долин, которые мы только что оставили, совершенно особенным характером. На широкой лесистой её подошве возвышаются изредка округлённые купы диорита; ближайши́е склоны долины поросли лесом, покрыты до вершины зелёным дёрном, и только за ними уже показываются обнажённые крутые скалы, а выше всех их торчит звездеобразный шпигц Манараги... На широкой подошве долины Косью разливается горное озеро... извилина долины открыла перед

нами боковой вид на Манарагу и тогда его звездеобразный шпигц явился необыкновенно зубчатой вершиною».

Впервые увидав рисунок скальной Манараги, сделанный экспедиционным художником Бермелеевым, я был весьма удивлён. На рисунке изображена реальная горная ситуация. На заднем плане возвышается конусообразная гора, ныне именуемая — пик Масленникова. Справа — крутобокая оконечность южного отрога Манараги, в наше время имеющая название Медвежья Лапа. А на переднем плане рисунка во всю ширь долины реки Косью раскинулась водная гладь обширного озера. Возникла мысль: может быть Бермелеев прифантазировал озеро? Но запись Гофмана о горном озере, разливающемся по всей ширине долины реки Косью, однозначно подтверждала наличие такого озера. Следовательно, в середине XIX века в том месте, где Косью делает крутой поворот почти на 90 градусов, существовало подпружное озеро. Скорее всего озеро образовалось за счёт моренных отложений ледников, стекающих с различных сторон в долину Косью. Но настал момент, когда огромные массы воды, скопившейся в озере, прорвались через каменную преграду. Вся эта бушующая масса воды прорыла себе проход, который сейчас прекрасно виден на местности в форме крутосклонной шиверы с высокими лысыми береговыми каменными обрывами. А озеро на реке Косью исчезло.

Скажу добрые слова о художниках трёх веков, изобразивших на своих творениях гору Манарагу. Об Иване Бермелееве, жившем в XIX веке, я упомянул уже выше. О художниках XX и XXI веков — далее.

Недавно моя давнишняя знакомица Елена Шубнильдина, написавшая немало число очерков о Приполярном Урале, с приложением собственных прекрасных фотографий Приполярья, сообщила мне ещё об одной картине, на которой изображена гора Манарага. Нарисовал её Яков Яковлевич Вундер. Родился он 28 августа 1919 года в селе Моор Саратовской области. В 1939 году окончил Московское художественное училище. В 1941 году был выслан в Казахстан как «лицо немецкой национальности». В 1942 году по доносу был арестован и приговорен к 10 годам работ в исправительно-трудовом лагере в Воркуте. С 1954 года работал в Воркутинской геологической партии. Побывал во многих районах Полярного и Приполярного Урала. В 1966 году погиб при сплаве по реке Кажым. Его картина «Манарага в облаках» хорошо передает мощь Горы, высоко возносящую свой скальный гребень над долинами рек Косью и Манараги.

В интернете я отыскал ещё одну картину, на которой изображена гора Манарага. Нарисовал её Виктор Иванович Воропаев. Родился он 10 ноября 1947 года в Нерчинске, в семье военного. С 1963 года проживает на Украине, в городе Краматорске. Дважды мастер

Художник А. Востряков

спорта — по горному туризму и спортивному ориентированию. В марте 1971 года в составе сборной группы туристов Ново-Краматорского машиностроительного завода совершил лыжное путешествие на Приполярном Урале и поднялся на вершину Манараги. Написал картину «Приполярный Урал [Манарага]» уже в своей художественной мастерской по фотографии и своим воспоминаниям, изобразив на картине своё видение горы. Как художник-самоучка написал много картин, на которых изображены горы Кавказа.

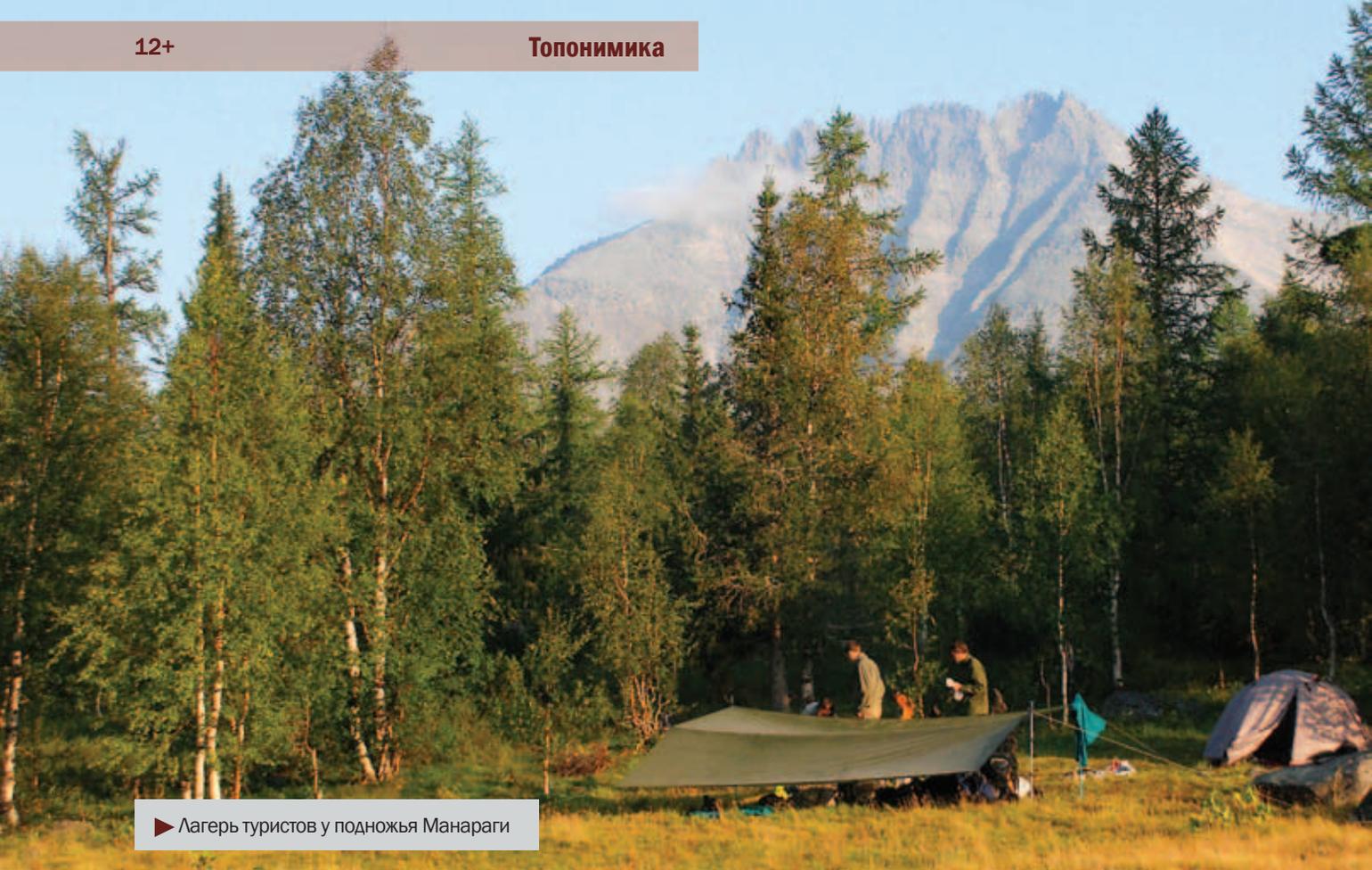
Больше всего мне нравится картина с изображением горы Манараги, на-

Художник Я. Вундер

Художник В. Воропаев

► Лагерь туристов у подножья Манараги

писанная моим другом Андреем Алексеевичем Востряковым. В 1955 году он окончил курс наук на физико-техническом факультете Уральского политехнического института. И до сих пор работает в институте металлургии Уральского научного центра Российской Академии наук. Защитил кандидатскую диссертацию. Зяблый турист. Он побывал в различных краях Советского Союза. Прошагал по всем регионам Урала. Написал много стихов. Опубликовал книгу своих стихов. Открывается она «Гимном уральских туристов», написанным ещё в 1957 году (музыку гимна сочинил Карелин В.Г.) В нём есть строки:

*«Если в сердце немало отваги
И ребята лихие с тобой,
Побывай на зубцах Манараги,
Полобуйся уральской зимой».*

Андрей, по зову души, — художник-самоучка. В свои путешествия он всегда берёт краски и кисти. В его квартире — стопы этюдов на картоне. Бывало, на встречах с друзьями он выставляет десяток своих зарисовок: «Выбирайте на память о встрече».

Андрей подарил мне свой эпод. Картина эта предстаёт перед моими глазами, когда я утром просыпаюсь. Вид красавицы Манараги сразу же, с утра, настраивает на мажорный лад.

Сведениями о восхождениях на вершину Манараги до 1954 года я не рас-

полагаю. А в 1954 году её впервые покорили свердловские туристы под руководством Евгения Масленникова, первого мастера спорта по туризму на Урале. До подножья Манараги они прошли немалый путь от посёлка Аранец, что на берегу Печоры, мимо горы Саблы и по долине реки Вангыр, из которой, перевалив в верховья ручья Юнковож, они впервые увидели зубцы Манараги. Об этом видении Масленников записал: «Впереди, километрах в десяти, стремительно взметнувшись в заоблачную высь, открылась перед нами великолепная зубчатая вершина. На фоне предзакатного пожара она курится лёгким белым дымком, а по её подножию неторопливо проплывают серые облака. Это красавица Манарага, на стоящее чудо Приполярного Урала». Восхождение туристы совершили 26 июля 1954 года от устья Юнковожа, впадающей в Косью. Масленников так описал восхождение: «Первые четыре километра идём по тайге... Видно, люди здесь не бывают. Никаких признаков троп, порубок, человеческих следов. Граница леса открывается внезапно. Вновь во всей красе возникает перед нами грандиозная панорама Манараги, увенчанная... скалами. Вид у них неприступный... Острроверхие пики напоминают когти на вздыбленной в небо медвежьей лапе... Решаем штурмовать крайние, наиболее высокие на вид пики... Две группы альпинистов, взяв верёвки, уходят в разные стороны... После трудного траверса и из-

нурительного подъёма по нагромождениям гигантских наклонных плит, наша группа поднялась на второй с севера пик, который оказался наивысшим. Тура здесь не было, и мы соорудили его, запрятав записку о первовосхождении на эту труднейшую уральскую вершину... На четырёх самых высоких пиках Манараги... остались в этот день наши туры с записками...».

Первое зимнее восхождение на Манарагу совершили туристы из города Казани.

Говоря о названии, Гофман отметил: «... гора получила своё самоедское имя, которое, по истолкованию нашего переводчика, значит «Медвежья Лапа». Через столетие такое мнение поддержал Александр Константинович Матвеев, сделав уточнение: «ненецкое мана — «передняя лапа медведя, раха — суффикс удоболения, который лучше всего переводить словом «подобный».

Позднее Татьяна Дмитриевна Слинкина согласилась с этим мнением. И даже название горы записала в форме — Манараха. У Манараги — семь групповых бастионов. А общее количество скал на гребне — несколько десятков. Сомнительно, чтобы внимательные по своей природе ненцы и манси не заметили отличие вида горы от лапы медведя с пятью когтями. Любопытно, что как бы в продолжение указанной версии на некоторых современных географических картах крайняя вершина

на боковом отроге, идущем от скал Манараги в южном направлении, названа — «Медвежья Лапа».

Неоднократно любовался я абрисами Манараги, озирая на местности её с разных сторон. Полазил и на её скальных зубьях. Уже в домашней обстановке многократно я задавал себе вопрос: Почему практически подавляющее большинство вершин, окружающих гору, носят мансийские имена, а Манарага вдруг имеет ненецкое название? Может быть потому, что проводником у Регули и Гофмана были ненцы? Справедливость постановки такого вопроса усилилась после моего ознакомления с картой Северного Урала, составленной венгром Анталом Регули в 1846 году. Действи-

тельно, на вставке на этой карте изображена местность в районе современной горы. Надписана Манарага и названия окружающих гор, имеющих сплошь мансийское происхождение. Помогли найти ответ архивные материалы Регули, хранящиеся ныне в рукописном отделе библиотеки Венгерской академии наук в Будапеште, с которыми мне посчастливилось ознакомиться.

В архиве Регули имеются ящички, типа библиотечного каталога, в которых уложено большое количество бумажных карточек с мансийскими словами и поясняющими текстами. На одной из карточек я нашёл надпись — Manärrähä. Уже одно нахождение карточки с именем Манараги в картотеке мансийских слов указывает на то, что название это — мансийское. На этой карточке Регули записал пояснение: osj ah kat kurip (при этом последнее слово трудно читается: то ли kurip, то ли kerip). В записях Регули очень часто встречаются эллипсисы — сокращения слов. Используя такой подход на мансийском языке, получаем: ös (сокращённое от ösätälukwe 'удивительный') + äx (укороченное от äxvас 'камень') + kät ('рука' + керип (от керас 'утес, скала'), где — ип суффикс со значением иметь что-либо. В итоге, как вариант, имеем: 'Гора, [которая смотрится как] удивительная каменная утёсистая рука'. В таком примерном виде представлена образная характеристика вершины, отражающая изорванный скалистый гребень на макушке горы. Однако эта запись не раскрывает семантическое содержание оронима Манарага. Тем не менее такая запись, сделанная Регули, отсылает к поискам мансийского пояснения топонима.

Разделим ороним Манарага на два компонента: Манарага = мана + рага. И оба они находят соответствия в мансийском языке. В первом варианте мана можно принять как прилагательное мана, образованное от корневой мор-

фемы глагола маньганкве 'рвать' или мана как эллипсис от маньгтым 'рваный'. Здесь финальное окончание -а добавлено по аналогии с мансийскими прилагательными — ляпа 'близкий', хара 'широкий', хоса 'длинный' и др. Компонент рага можно рассматривать как эллипсис от рагатакве 'упасть' или раг-а сокращённое от рагыгләлулкве 'проваливаться'. Тогда получаем: Мана-Рага ' [Гора с] рваным (изорванным) [гребнем и глубокими] провалами'. Именно с провалами — множественное число. Здесь «рага» имеет собирательное значение, обозначающее совокупность (множество) «провалов» как единое целое (гребень горы с «провалами»). А в мансийском языке вместо формы множественного числа, выражающей собирательность, употребляется форма единственного числа.

Предположительно возможен ещё один вариант объяснения оронима Манарага. В мансийском языке имеется глагольная приставка равыг, указывающая на действие, в результате которого предмет распадается на мелкие части. С такой приставкой в мансийском языке имеются слова:

- равыг-маньганкве 'разорвать (в ключья)';
- равыг-сакватакве 'разбить (в дребезги)';
- равыг-танрункве 'размельчить'.

Если предположить, что раг-а происходит от искажённой приставки равыг, тогда получаем: Рага-Мана ' [Гора с] изорванным в ключья [гребнем]'. Оба варианта пояснения прекрасно соответствуют реалии — гора имеет изорванный, скальный гребень, с глубокими разрывами, провалами между соседними скальными бастионами. А ниже вершинной скальной гребёнки, вниз по склону, тянутся мощные кулуары — царапины, в которых снежники сохраняются почти на протяжении всего лета.

В завершение ещё раз отмечу, что топоним Манарага своё происхождение имеет из мансийского языка. **У**

► Гнездо сапсана на скале над рекой

▲ Основной вид городского общественного транспорта середины XX века

Трамваи моего детства

Во время войны единственным видом городского транспорта был трамвай. Мамины родственники жили в районах города, которые в те годы были окраинами.

Дом маминой сестры тёти Клары на улице Амундсена имел порядковый номер 5, а дальше на юг уже через 500 метров начинались поля Московского торфяника. Семья тётинного отца Павла Васильевича жила в деревянном двухэтажном доме в районе Ленинской фабрики, где Павел Васильевич работал в тридцатые годы. В годы войны на территории Ленинской фабрики был размещён эвакуированный из Москвы оптико-механический завод № 217. Сестра Павла — Александра Васильевна Исупова жила на улице Народной Воли напротив Плешивой горы (сейчас это Метеогорка). Я с мамой жил в доме на углу улиц Мальшева и Пушкина. Тётю Клаву мы с мамой навещали почти еженедельно, остальных родных — несколько раз в год. Поэтому

сами трамваи и поездки на них так запомнились мне.

Опасное увлечение

Когда я перешёл учиться мужскую школу № 37 на Первомайской, у меня появилось очень опасное увлечение: после окончания уроков второй смены по дороге домой прокатиться на подножке трамвая. От улицы Восточная до нашей остановки Ленина — Толмачёва было всего 3 перегона. Я приходил на «Восточную», чтобы проехать дальше. Транспорт ходил очень редко. Вдоль улицы Восточная по насыпи проходила железнодорожная магистраль «Транссиб», под которой был туннель для проезда городского транспорта. Я забирался на насыпь и всматривался в темноту, когда же покажут-

Владислав Курочкин

Турист-краевед. Родился в Свердловске, в семье известного уральского журналиста. Трудовой путь начал инженером по электрооборудованию на Уфимском заводе № 26 Министерства авиационной промышленности, работал инженером-конструктором, начальником отдела программных станков.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Фотографии предоставлены
Музеем истории развития
горэлектротранспорта
ЕМУП «Гортранс»,
г. Екатеринбург

Уральский следопыт, август 2023

ся знакомые огоньки на спуске от Втузгородка. Со мной в этих приключениях участвовал приятель Зяблик (прозвище, образованное от фамилии Зябликов). Дождавшись, мы перед отправлением протискивались к подножке и, стоя на ней, ехали, держась одной рукой за поручень. Эти немногочисленные и опасные поездки и ощущения от них остались в памяти.

Наличие выбора

До «конечной» на улице Щорса ходили трамваи № 4 и 5. Чаще всего в поездку к тётке Клаве я отправлялся с ближайшего к дому перекрёстка на улице Ленина и Толмачёва. Трамвай № 5, идущий с вокзала, останавливался на улице Толмачёва, а трамвай № 4, идущий из Втузгородка, — на улице Ленина. Частенько, в ожидании на Толмачёва видел, что вдруг подходит «четвёрка», тогда приходилось бежать на другую сторону, но чаще всего я опаздывал. Поэтому иногда ждать трамвай приходилось на проезжей части улицы Ленина, соображая, на какую сторону бежать. Другой вариант посадки был на перекрёстке улиц 8 Марта и Мальшова. Туда приходили трамваи № 4 и 5, но до неё было дальше идти. Недавно измерил расстояния от нашего дома до «Ленина — Толмачёва» — 500 метров, до 8 Марта — 650 метров.

Два трамвая в час

В годы войны трамваи ходили чрезвычайно редко, поэтому всегда были переполнены. В памяти остался случай, когда вечером зимой 1943 года я с тёткой Клавой и её трёхлетней дочерью Танюшей совершил пеший переход от дома на Амундсена до нашего дома

► В Южном трамвайном депо

на Мальшова. В памяти остался вопрос тётки Клавы: «Мы как пойдём — санками или на трамвае?». Именно слово «санкА́ми» с ударением на последнем слоге и запомнилось. Таню до трамвайной остановки необходимо было везти на санках, а удастся ли затащить санки в переполненный трамвай, да и вагоновожатый может не пустить с санками в вагон с передней площадки. Поэтому мы решили идти пешком. Был поздний вечер, темно, уличного освещения не было, тротуары не чистили, шли

по накатанной автомашинами дороге по улице 8 Марта. Первый трамвай обогнал нас после остановки Большакова — напротив Областной больницы. Оценив нашу скорость и пройденное расстояние от остановки «Улица Щорса», я решил задачу для 4-го класса и получил ответ — два трамвая в час.

На перекрёстке улиц 8 Марта и Щорса было трамвайное кольцо с конечной остановкой. После выхода пассажиров, через толпу, стоящую у дверей, первыми в вагон устремлялись же-

► Маршрут № 4

▼ Трамвай серии X 1950-х годов

◀ В салоне ретро Трамвая

▶ Трамвай серии X едет по Плотинке. Свердловск, 1950-60-е

тор не имели даже простейших обогревателей для ног. Особенно доставалось от холода водителю, ведь во время движения нельзя было ни на секунду отвлекаться от управления, чтобы хоть чуть согреться движениями рук или ног. Водитель под зимним пальто мог надеть ещё и телогрейку. На конечной остановке у него в запасе всего несколько минут, чтобы согреться.

Кондуктор, нажми...

В каждом трамвайном вагоне был кондуктор. Главная работа кондуктора — получить с пассажира деньги за проезд и вручить ему билет — ма-

лающие занять сидячее место. В жаркие летние дни окна с правой стороны вагона старались держать открытыми. У трамваев тех моделей нижняя половина окна открывалась вверх, и при движении поток воздуха обдувал сидящих пассажиров, а плотной толпой стоящие пассажиры задыхались от духоты.

Опередить взрослых у меня шансов не было, поэтому летом я иногда забирался в моторный вагон через открытое окно в числе первых. Чтобы дотянуться до окна, я вставал ногами на моторную тележку.

Маршрут № 1 «Площадь 1905 года — ВИЗ» был открыт в ноябре 1930 года. Первые трамваи серии «X», которые поставили в Свердловск, были построены на Мытищинском заводе. Крупная партия предназначалась для Харькова, и моторные вагоны по начальной букве этого города были названы «серия X», т.е. «Харьковские». Чаще всего по городу ходили составы из двух вагонов: моторного и прицепного.

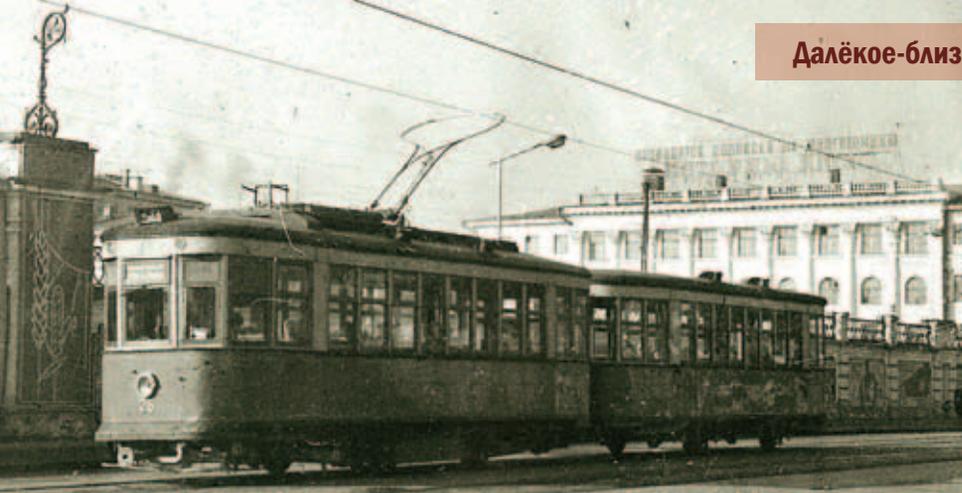
Интерьер моторного салона серии X был интересен. Особая их деталь — чёрные ручки на ремнях, за которые держались стоящие пассажиры. Перегородка с застеклённой дверью отделяла переднюю площадку — рабочее место вагонновожатой — от пассажиров, не видно сидения — водитель работал стоя. На остановках после выхода пассажиров через переднюю площадку под присмотром водителя можно было без очереди входить пассажирам с детьми или инвалидам. После посадки пассажиров она должна закрыть входную створчатую дверь, затем внутреннюю дверь и только после этого начать движение. Часто не хватало свободного места и впускали лишь часть желающих уехать, а внутреннюю дверь приходилось закрывать с трудом.

Вагонновожатый

Во время учёбы в младших классах я ездил в сопровождении взрослых, и мы частенько заходили с первой площадки моторного вагона. Удавалось сесть у перегородки, чтобы наблюдать за работой водителя-вагонновожатого. Слева от водителя стоит корпус контроллера, которым регулируется скорость движения. В центре — распределительный кран сжатого воздуха, управляющий торможением. Справа — штурвал стояночного тормоза. На конечной остановке вагонновожатый запирает ручку управления контроллером, поворачивая замок съёмной ручкой — ключом, затем снимает ручку управления краном сжатого воздуха и крутит штурвал стояночного тормоза. И вместе с кондуктором уходит на несколько минут в диспетчерскую. Вспоминаю, что частенько был не доволен долгим ожиданием водителя и кондуктора, которые коротали минуты в тепле. Зимой в трамваях не было отопления, а вагонновожатый и кондук-

▶ Место вагонновожатого

ленькую бумажку с порядковым номером и ценой за проезд. Люди настолько плотно «упаковывались» в вагоне, что кондуктор практически не мог передвигаться по вагону, чтобы прода-

мачёва. В тёмное время суток на трамвайной крыше, по бокам маршрутного номера, загорались две специальные лампочки. У первого маршрута они были обычные. У второго — красные; у третьего — синие; у четвёртого — зелёные (четвёртый ходил на линии улица Щорса — Втузгородок) и т.д. Зимой, ожидая свой трамвай, я напряжённо всматривался в даль улицы Ленина, не появился ли трамвай с двумя зелёными огоньками. Запомнились мне необычные вагоны со средней дверью.

В 1933 году на улицы Ленинграда вышел диковинный трамвай, который сразу окрестили «Американкой». Это был ЛМ-33 — «Ленинградский моторный 1933 года». Он ходил в составе «спарки» с прицепным вагоном ЛП-33 (соответственно, «Ленинградский прицепной»). Ленинградский трамвай серии Л33.

В начале 30-х годов прошлого века талантливый инженер Дмитрий Кондратьев с коллегами отправляется в командировку в США для изучения передового опыта. За основу было взято несколько прототипов, в первую очередь трамвай конструкции Питера Витта. Кондратьев серьёзно переработал проект и создал первый отечественный четырёхосный вагон. ЛМ-33 в самом деле оказался на него похож. Первоначально они даже так и назывались: вагоны МА и ПА («моторный американского типа», «прицепной американского типа»).

Метр с кепкой

Вагоны этой серии были одно-сторонними, с металлическим каркасом и деревянным кузовом. Его длина была 15 метров, что в 1,5 раза больше, чем у вагонов серии X. Суммарная мощность четырёх электродвигателей составляла 210 кВт и позволяла развивать максимальную скорость 50 км/час. Трамваи серии X имели суммарную мощность двух двигателей 105 кВт и скорость — 40 км/час. У моторного вагона появилась третья, центральная дверь. Это ускорило и даже изменило способ посадки. Место кондуктора было у этой самой двери, поэтому заходили через центральную дверь, выходили через переднюю и заднюю. Рабочее место кондуктора в прицепном вагоне было оборудовано дополнительным стояночным тормозом и механизмом открывания входных дверей. По сложившейся в Ленинграде традиции дети проезжали в трамвае бесплатно не по возрасту, а по росту: отсюда крылатое выражение «метр с кепкой», рождённое в спорах родителей с кондукторами. В 1943 году такие трамваи появились в нашем городе. Из блокадного Ленинграда в Свердловск с неимоверными трудностями, под бомбёжками и артобстрелами, было вывезено 60 вагонов серий ЛМ33 и ЛП33. На снимке прицепного вагона виден механизм для управления входными дверями, трубки и кран управления между окном и средними дверями рядом с местом кондуктора. Не нашёл подтверждения, что эти механизмы устанавливались в трамваях довоенного выпуска. Может их установили в послевоенные годы, когда такие механизмы появились на трамваях МТВ-82, потому что в трамваях, ездивших по Свердловску, входные створчатые двери открывались вручную пассажирами, и почти всегда были открыты. Помню, что зимой в таких вагонах было очень холодно... **УС**

▼ Трамвайная остановка на улице Ленина. Свердловск 1950-х

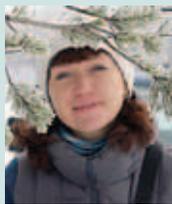
вать билеты. Основная масса пассажиров для приобретения билетов пересылали деньги кондуктору по цепочке, и обратно по той же цепочке получали билет и сдачу.

Кроме того, кондуктор должен был объявлять остановки, а чтобы дать сигнал отправления, дёргал за конец длинной верёвки, болтавшейся над специальным кондукторским местом. Верёвка эта соединялась со звонком, установленным в кабине вагонного водителя. Только после сигнала кондуктора трамвай отправлялся. Если имелся прицепной вагон, то водитель ждал сигнала и оттуда.

С осени 1952 года я начал регулярно ездить на трамвае № 4 на лекции в институте с остановки Ленина — Тол-

Справка

Современный период истории трамвая в городе Екатеринбурге (Свердловске) начинается с 1929 года. Впервые о строительстве Городской железной дороги (так называлась трамвайная линия) заговорили в 1896 году, после того, как была построена первая электростанция «Луч» (ул. М. Горького д. 43 сегодня). В 1928 году был создан проект трамвайной ветки, предполагающий 2 этапа. Строительство 1-го этапа началось в апреле 1929 года. Первая двухпутная ветка должна была пройти от Цыганской площади (Южное трамвайное депо на ул. Фрунзе) через улицы 8 Марта — Ленина — Толмачёва-Свердлова — до ж/д вокзала. Вторая ветка: от площади 1905 года через ВИЗ-бульвар до ВИЗа. Строительство велось вручную. В конце октября в город привезли первые 10 трамваев известной серии X, которые уже своим ходом доехали до построенного депо. 7 ноября состоялось открытие трамвайного движения в городе. Через десять лет по городу курсировало около 130 трамвайных вагонов по 14 маршрутам. (Серебряников А. М. — ветеран ЕТТУ).

Элла Подгорнова

Краевед, турист, блогер. Родилась и живёт в Новоуральске. Заведующая Центром патриотизма «Родина» городской публичной библиотеки. Автор нескольких программ для школьников по изучению края: «В сердце России», «Урал — край чудес», «Новый город на Урале», «Война дошла и до Урала». Член клуба «Новоуральский краевед».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Здесь будет установлен знак

Ещё в XIX веке в ряде мест водораздельной полосы Урала были поставлены каменные обелиски с надписью «Европа — Азия». Эти опознавательные знаки показывают

водораздельную точку (место), перевал с одного склона на другой. Многочисленные обелиски, привлекающие внимание туристов, продолжают устанавливаться до сих пор.

Первый знак «Европа — Азия» был установлен в 1837 году на бывшем Сибирском тракте недалеко от города Первоуральска, на горе Берёзовой. В том году девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич (будущий Александр II), только что окончивший основной курс обучения по всем необходимым для будущего царя наукам, по приказу отца, императора Николая I, совершил известное путешествие по России в сопровождении действительного советника

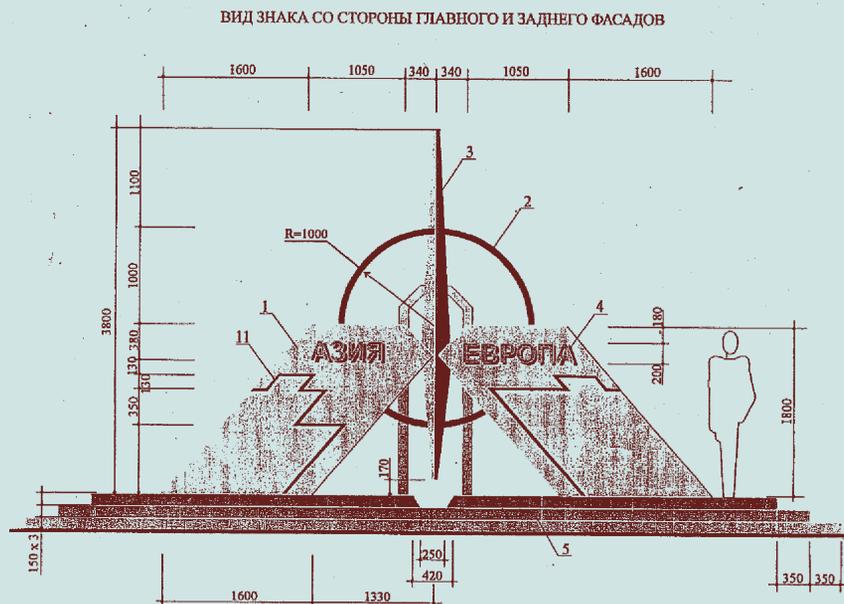
В.А. Жуковского и других лиц. Именно этому событию и был посвящён первый знак. В разное время на Урале было поставлено несколько десятков обелисков «Европа — Азия», среди которых встречаются и оригинальные. Например, знак, сделанный из обрезков рельс; знак, посвящённый полёту первого человека в космос; верстовой знак и другие.

Водораздельная линия в Новоуральском городском округе (сам Новоуральск — город закрытый, но терри-

тория вокруг него, включающая в себя посёлок Мурзинка, село Тарасково, деревни Починок, Елань, Пальники, — открыта) довольно извилиста. На широте Новоуральского городского округа водораздел переходит с осевого хребта на Бунарский, расположенный восточнее осевого (гора Висячий Камень), на широте Первоуральска линия водораздела смещается в восточные предгорья (горы Медвежья, Барсучья, Берёзовая). На карте линия водораздела смотрится очень искривлённой.

► Проект знака Европа — Азия
(Михайловского)

В Новоуральском городском округе в разное время было установлено пять пограничных знаков «Европа — Азия», каждый из которых претендует на оригинальность. Первый знак «Европа — Азия» появился в конце 50-х годов XX века и расположен он на автодороге между деревней Починком и селом Тарасковым, его отлично видно с автотрассы. Столб в народе называют «савчуковским», потому что был он установлен под руководством директора Уральского электрохимического комбината (градообразующего предприятия) Андрея Иосифовича Савчука. Изготовлен знак из стального металла, представляет собой усечённую пирамиду. Изначально он был украшен гербом СССР на каждой грани и литыми надписями «Европа» и «Азия», впоследствии гербы сняли. Знак поставлен в не совсем правильном месте, то есть не на водоразделе, но в то время решили, что знак должен стоять там, где его будет лучше видно с дороги. Нельзя сказать, что он красив или чем-то примечателен, но он первый в Новоуральском городском округе, и в этом его особенность. Долгое время обелиском никто не занимался, а потому был он в неприглядном состоянии. В 2019 году жители села Тараскова — Сергей и Ми-

хаил Загорские — обновили знак. Наверху установили указатели сторон света, на обелиске появились слова «Европа», «Азия», «Россия», а также герб России. Всё было сделано из металла.

Второй знак был установлен на горе Перевал на старой Пальниковской дороге между истоками рек Тагил и Бунарка (бассейн Оби) и Шишим (бассейн Волги). Автором проекта является Борис Ефимович Шитиков, он же спроектировал «изюминку» столба — солнечные часы. Люди, которые знали Бориса Ефремовича, рассказывают, что это

был мастер на все руки. В народе столб так и называют — «шитиковский». В изготовлении этого знака активное участие принимали и другие туристы: М. Чернякин, В. Евстахов, В. Михайлов, А. Болтушин. Большую помощь в установке оказали ребята из подросткового турклуба «Нейва». Известно, что однажды столб упал и долгое время лежал на земле. Когда его устанавливали обратно, то, из-за плохой погоды, не смогли выставить по солнцу. С тех пор, к сожалению, точного времени часы не показывают. Как рассказывал ветеран го-

◀ Шитиковский знак на горе Перевал
▼ Открытие Шитиковского знака.
Фото 1985 года

◀ Ломовский знак на горе Медвежка

и другие детали. Солнечные часы Борис Шитиков делал отдельно: сам всё рассчитал, изготовил детали, сварил их, готовую конструкцию только приварили к знаку. Вверху знака на металлических стрелках выбиты слова «Европа» и «Азия». Стрелки указывают направления частей света.

Открытие знака состоялось 9 марта 1985 года. На открытии выступила ветеран туристского движения Новоуральска, одна из первых председателей клуба туристов Алина Кузьминична Колова, которая сказала: «Нам не впервые ставить пограничные столбы и восстанавливать границы. Это делали в годы революции и гражданской войны наши деды, а в 1944 году восстанавливали отцы после изгнания с нашей территории фашистов. В настоящее время вы, молодая смена, твёрдо стоите на страже её, но уверена, что придёт то время, когда можно будет обмениваться визитами с соседними странами, как заходить в гости к соседу». У лыжного марафона появился новый символ. Спортсмены теперь стартуют и финишируют в городе, при прохождении дистанции пересекают границу Европы и Азии и по несколько раз пробегают мимо географического знака.

Третий знак был установлен по инициативе руководителя бывшего турклуба Средне-Уральского управления строительства Виктора Михайлова по дороге в сады «Автозаводец» (старая Билимбаевская дорога). Конечно, замыслы были грандиозными, и знак предполагался красивым. Архитектор Новоуральска Юрий Никешин так обрисовал будущий обелиск: «Главная идея этого комплекса – память о первых строителях нашего города, стоящих у его истоков. Все мы знаем, кто начинал строительство, кто заготавливал лес – это были заключённые и многие из них незаслуженно». Знак должен был быть не только географическим, но и памятным. Около знака «Европа – Азия» будет памятный знак в виде арки с подвешенным рельсом. Являясь атрибутом лагерной жизни, он будет символизировать эту страницу нашей истории. Вокруг знака проектом предусмотрена большая площадка, вымощенная фигурным камнем, по которой можно прогуляться и сфотографироваться. Основными элементами обелиска будут две наклонные бетонные призмы, символизирующие части света. Бетонные призмы будут иметь форму трапеции, на более широкой грани будут укреплены две памятные доски. Одна будет посвящена первым строителям, а на другой будут перечислены организации, участвовавшие в создании

комплекса. Призмы будут соединены между собой кольцом. Она символизирует перевал, который проходит по границе. А вертикальная стрела символизирует водораздел. Комплекс будет оборудован асфальтированной площадкой для стоянки автомобилей».

20 декабря 2005 года в связи с 60-летием строительной организации Новоуральска состоялась закладка мраморной плиты на месте будущего обелиска. На плите надпись: «Здесь будет установлен знак Европа – Азия в честь строителей города». Это сделано ещё и потому, что на этом месте когда-то проходила дорога, по которой возили лес для строительства города. В Михайлов, к сожалению, сделать этого не успел – ушёл из жизни, и, по-видимому, как раз к этому знаку применимо известное изречение: «Нет ничего более постоянного, чем временное». Но даже в своём неприглядном виде столб (а он напоминает плиту над могилой) не перестанет быть одним из пограничных знаков между Европой и Азией. Тем более что выставлен он на практически правильном месте. Идеальное место для знака – через шоссеюную дорогу, но там проходит линия электропередач, что стало препятствием для установки знака. В народе знак называют «михайловским».

В сентябре 2006 года на горе Медвежке появился четвёртый знак. Сама гора Медвежка находится на границе Европы и Азии, к северо-востоку от неё протекает река Бунарка, впадающая в Нейву (бассейн Оби), а к юго-западу находятся верховья реки Чёрный Шишим – притока Чусовой (бассейн Волги). Знак представляет собой металлическую четырёхгранную конструкцию высотой около четырёх метров, на вершине которой находит-

родского туризма Виктор Михайлов, идея поставить знак появилась после того, как в конце 70-х годов спортивный клуб «Кедр» начал проводить лыжные марафоны из Европы в Азию. Участники тех первых марафонов стартовали у столба между Тарасковым и Починком, а финишировали в городе. Спортсменов и судей привозили на автобусе, что было затратно и не совсем удобно. Поэтому и возникла мысль поставить такой же столб, но поближе.

Основа столба выполнена из обычной трубы диаметром примерно 600–700 мм и длиной четыре с половиной метра. Её разрезали вдоль на четыре части, которые развернули «горбом» внутрь и сварили между собой узкими пластинами. Затем приварили стрелки

▲ Александровский рудник

ся острый шпиль жёлтого цвета с шипами наподобие громоотвода Невьянской башни. Знак обвивают ленты, выкрашенные в цвета флага России. Слова «Европа» и «Азия» выполнены сквозной прорезкой на металлических стрелках: «Европа» — на зелёном фоне, «Азия» — на красном. Автор знака — Владимир Алексеевич Ломов. Он придумал конструкцию и установил её с сыном Сергеем на вершине Медвежки. В изготовлении и установке помогали сотрудники санатория «Зелёный мыс». На каждой из сторон надписи: «Медвежка. 499 м», «Зелёный мыс. 2006», «Сварщик Долгиров Евгений. Энергетик Шультьев Г.А.», «Задумали Ломов В.А. и сын Сергей». Причём, последняя надпись скромно расположена внутри знака. Интересно, что на многих сайтах, посвящённых границе «Европа — Азия», присутствует информация именно об энергетике Шультьеве, а об авторах пишется следующее: «знак был установлен энтузиастами из санатория «Зелёный мыс», а В.А. Ломов и его сын не указываются нигде. От автора доподлинно знаю, что энергетик Шультьев никакого отношения к столбу не имеет, а просто шантажом выпросил, чтобы его фамилия была указана на знаке. И вот результат — Ломов забыт как автор, а фамилия Шультьева «плавает» по просторам Интернета. Но справедливость восторжествовала! В сентябре 2018 года краеведы Новоуральска покрасили знак. Ярким цветом была выделена фамилия автора, а поверхность с фамилией энергетика просто закрасили. В народе знак называют «ломовским».

Пятый знак появился в октябре 2016 года. Установлен он на горе Висячий Камень недалеко от Александровского хромитового рудника и по-

свящён рудознатцам. Автор и реализатор идеи — преподаватель Горного университета, краевед, минералог и наш земляк Олег Воронин. Естественно, что знак тут же начали называть «воронинским». Олег Михайлович Воронин — житель Новоуральска, всю свою жизнь в свободное время ходил по лесам. Одно из излюбленных мест — гора Висячий Камень, Александровский рудник. Как геолог, Воронин рудник знал вдоль и поперёк, часто собирал здесь минералы. Неподдалеку от дороги к руднику долгое время лежал трёхметровый железобетонный поребрик — как будто специально привезли, чтобы натолкнуть Олега Михайловича на мысль об установке знака. Знак он решил ставить тут же, рядом с поребриком. Правда, его отговаривали, мол, до границы ещё метров 200-300 будет. На что Воронин ответил: «Граница проходит там, где люди ходят и ездят». А в этом месте, надо сказать, не только летняя дорога, но и зимняя — именно здесь проходит лыжня.

Знак возводился прямо на месте: вязали железную арматуру для каркаса, вручную замешивали бетон. В результате получили квадратный четырёхметровый столб. Стела построена целиком из местных материалов: каменный отсев — с Заплатного камня, цемент — из Невьянска, вода — из Александровского рудника. На одной стороне табличка с надписью «Стела установлена в честь уральских рудознатцев и горняков», на второй стороне — табличка с надписью «Европа», на третьей — «Азия». Действительно, в этой местности довольно много рудников (Александровский, Алексеевский, Абрамовский, Чувановский и др.), откуда ещё в начале XX века везли полезные ископаемые на Верх-Нейвинский и другие заводы. Площадка у подножия стелы выложена минералами и породами, имеющимися в окрестностях: красный мрамор — из деревни Пальники, железо — из Нейво-Рудянки и Белоречки, тальк — с Чёрного мыса... Территория вокруг знака оформлена необычно: там находятся несколько указателей со стрелками, на которых обозначены расстояния до различных объектов: близлежащих рудников, гор, а также населённых пунктов (Екатеринбург, Невьянск, Первоуральск, Тарасково, Мурзинка, Пальники и др.)

Почти у всех знаков, как у туристических объектов для отдыха, установлены столы, скамейки, мангалы, организовано место для сбора мусора. И за са-

мыми знаками следят: красят, выравнивают, чистят. Туристский клуб «Кедр» на протяжении многих лет организует массовые походы к знакам «Европа — Азия». К знаку с солнечными часами каждый год в третье воскресенье марта организуется необычный массовый поход под названием «Поход в сказку». Во время пути (четыре километра в гору) сотрудники турклуба проводят для всех участников похода конкурсные задания, а у самого знака на большой поляне устраиваются настоящие гуляния с песнями, танцами, играми, представлениями и чаепитием у большого костра. Желающие преодолевают традиционные туристские препятствия: верёвочная «бабочка», переправа, бревно и другие. В июне 2019 года впервые был организован поход по четырём знакам «Европа — Азия». Желающих было не так много, т.к. маршрут предполагал прохождение 19 километров по лесным тропинкам, а иногда и по бездорожью. Но поход показал, что жителям города эта тема интересна, и теперь это стало ежегодной традицией для новоуральцев. Почти все знаки находятся за пределами закрытого города, а потому открыты для всех желающих. **УС**

▶ Воронинский знак у Александровского рудника

Бородатая неясъть

Михаил Бокачев

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Фото автора

Это одна из самых крупных сов в мире. Бородатой назвали эту сову не случайно. На большом, диаметром до 40 сантиметров, лицевом диске, под мощным клювом, хорошо видна темная, почти черная «борода».

Покровительственная окраска делает бородатую неясыть практически незаметной на фоне густых ветвей и коры деревьев, даже несмотря на ее внушительные размеры. Самки, как это часто бывает у сов, крупнее самцов: их максимальный вес 1700 грамм, в то время как вес самца не превышает 1175 граммов. Размах крыльев достигает 140 сантиметров.

Брачный сезон у неясытей начинается очень рано. Уже в середине февраля самцы занимают свои гнездовые территории и оповещают об этом других самцов при помощи громких специфических криков. Пары у этих сов образуются только на сезон размножения, обычно в конце января, и не сохраняются к следующей зиме. Однако орнитологи выяснили, что на следующий год пары могут воссоединяться. Гнездятся бородатые неясыти с марта по июль. Чаще всего они используют

любые старые гнезда ястребов, канюков и воронов, причем не добавляют туда никакого растительного материала. Правда, иногда неясыти строят и собственные гнезда на вершинах сломанных деревьев, высоко от земли. В отличие от многих других сов, они никогда не гнездятся в дуплах.

В середине апреля — начале мая самка откладывает в гнездо от 1 до 9 (а чаще всего 4) яиц. Количество яиц в кладке, как и у многих других сов, зависит от кормовых условий. В годы с особо низкой численностью грызунов бородатые неясыти могут вовсе не приступать к гнездованию. Самка откладывает яйца с двухдневным интервалом и начинает насиживание после откладки первого яйца. Инкубация продолжается 28–36 дней, причем самка чрезвычайно редко отлучается из гнезда. Самец снабжает ее и птенцов пищей и охраняет гнездовую территорию, раз-

меры которой зависят от обилия корма и варьируют от 0,5 до 25 кв. км. Родители обычно яростно защищают свое гнездо и могут нанести человеку, захотевшему полюбоваться на птенцов, серьезные ранения своими острыми, как иголки, когтями и сильным клювом. Описаны случаи, когда бородачатая неясыть нападала даже на медведя, появившегося у ее гнезда.

Вылупившиеся птенцы покрыты сероватым пухом, они покидают гнездо через 25–30 дней. В этот период они довольно ловко карабкаются по веткам, но еще не умеют летать. Через несколько дней они начинают пробовать крылья, а способность к полету приобретают в возрасте 6–8 недель. Если пищи мало, слабые птенцы, как правило, до этого не доживают. Выводки держатся с родителями всю осень, а размножаться молодые начинают только в возрасте трех лет.

Несмотря на свои устрашающие размеры, бородачатая неясыть питается в основном мышевидными грызунами (иногда до 90% всей пищи), землеройками, мелкими хищными млекопитающими. Реже их добычей становятся белки, зайцы, птицы средней величины, а также лягушки и даже насекомые. В гнездовое время неясыти часто охотятся в светлое время суток, используя открытые пространства: опушки леса, вырубки, сфагновые болота. Они часто подолгу сидят на ветке дерева и прислушиваются к малейшему шороху. Великолепно развитый слух и большой лицевой диск позволяет им уловить самые слабые звуки и запеленговать добычу. Бородачатая неясыть может услышать полевку даже под слоем снега толщиной до 45 см. Добычу сова хватается когтями и, если она небольшая, глотает ее целиком.

Это в основном оседлая птица. Кочевки ее связаны в первую очередь с неблагоприятными кормовыми условиями. Если же мышевидных грызунов много, никакой холод этой сове не страшен: густое и плотное оперение позволяет ей с легкостью переносить очень низкие температуры. **УС**

▲ Бородачатая неясыть
 ▼ Гнездо неясыти

УРАЛЬСКИЙ **онbim**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **онbim**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Август 2023

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЕГОР ДАНИЛОВ

Два билета на завтра

50

62

Законы Вселенной

ЮРИЙ ПРОНКИН

Мотив неярких звёзд

62

78

Координаты чудес

АЛЕКСАНДРА ВЛАСОВА

Невеста мертвеца

78

Два билета на завтра

Егор Данилов

Родился в 1983 г. в городе Свердловске (ныне Екатеринбург). С ранних лет увлекался сочинением разных историй и комиксов. Первые законченные рассказы написал в 17 лет. Получил высшее историческое образование. Будучи студентом, занялся археологией, которая в итоге стала основной профессией. Проводил раскопки и археологические разведки на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В настоящее время ушёл из археологии и посвятил себя писательству, сценаристике и нарративному дизайну. Победитель конкурса ЛитРес «Битва жанров» в номинации «Эпическое фэнтези».

1

Сидя на берегу Бешенки, я кутался в плащ. Промозглый ветер забирался под капюшон. Поток шумел между камней выше и ниже по течению, но в этом месте образовывал небольшую заводь с удобным пологим берегом. Прямо за мной поднималась высокая скала восточного отрога горы Ачишхо. Выщербленная и поросшая мхом, она напоминала спину старого уставшего зверя, выбравшегося к водопою. Вдоль скалы ютились небольшие деревца и папоротники, прикрывавшие вход в пещеру — узкий проём, в который едва мог протиснуться человек.

Я вдохнул холодный воздух. Умники из Технического Отдела не придумали ничего лучше, чем настроить сенсоры так, чтобы те улавливали все перемены местной погоды. Со стороны тропинки, ведущей к пещере, показалась кошка. Она потянулась, припав передними лапами к земле, широко зевнула и пошла в мою сторону. Длинный хвост покачивался вверх-вниз, лапы мягко ступали по холодной земле.

— Сергей, тебе нужно взглянуть, — сказала она, приблизившись.

Я вздохнул и покорно поднялся. Юля не была кошкой в привычном смысле этого слова. Внешне — тот же милый зверёк, который множество тысячелетий соседствовал с *homo sapiens**. Интеллектуально — совершенно другой вид — *felis sapiens*** . Иногда мне хотелось взять её на руки и погладить, но это было бы неэтично. Казалось, что в подобном желании есть что-то инстинктивное, совершенно непровольное и не до конца объяснимое. Я не знал, сколько человек в команде испытывали те же чувства, но замечал, что порой к ней относятся как к ребёнку и прощают мелкие шалости.

— Что там? — спросил я, следуя за ней в сторону пещеры.

— Похоже, мы не сможем *in situ**** разобрать скелет, не нарушив его целостность. Сохранность костей плохая. Мне нужно оборудование из Лаборатории.

В нашей команде она была антропологом и если говорила, что что-то невозможно, то так оно и было.

— Не проблема, соберём монолитом.

— Да, я просто хотела узнать твое мнение как руководителя проекта.

Юля замолчала. Мы подошли к проёму в скале. Мне пришлось нагнуться, чтобы протиснуться внутрь. В пещере было светло. Тяжёлые своды нависали над головой, напоминая о толще камня сверху. Повсюду сновали дроны, расчищавшие поздние отложения. В дальнем углу исследовательской группы удалось выйти на культурный слой. Там попадались галечные орудия и остатки мелкой кальцинированной кости. Массивная установка под толчком фиксировала весь процесс и передавала данные в Лабораторию «Заслона». В поле зрения организации редко попадала археология гоминид. Как правило мы занимались изучением того, что осталось после ИИ Первого Поколения. Всех интересовали артефакты времён технологической сингулярности, на них делали карьеру. Польза любого исследования в этой области была очевидна, практична и актуальна. Даже сейчас, спустя более сотни лет после Исхода. Юля повела вглубь пещеры. Дроны разлетались в стороны, освобождая дорогу. Мы оказались у ровной, как асфальт, поверхности, в центре которой чётко выделялось тёмное овальное пятно — погребение конца среднего палеолита. Кое-где проступали выпянутые бежевые кляксы — остатки скелета неандертальца. Я склонился, чтобы посмотреть поближе.

— Лежит на боку в скорченной позе, — констатировал я очевидное. — Сколько здесь до скального основания?

— Около метра, запас есть.

— Хорошо. Дай команду на извлечение монолита и закончим на сегодня. Мне ещё нужно успеть домой,

у L-партнёра**** день рождения. Нехорошо будет опаздывать.

Юля пристально посмотрела на меня. В глазах читалось неодобрение.

— Всё ещё надеешься наладить отношения?

Я отмахнулся и вышел из имитации.

2

Крышка капсулы бесшумно отъехала в сторону. Яркий свет Лаборатории ударил в глаза. Я привычно зажмурился и несколько раз глубоко вдохнул. Начал не спеша подниматься, давая разуму время снова привыкнуть к телу. Остальные капсулы закрыты — значит сегодня я первый. Что-то неприятное заскреблось на душе. Пётр Иванович наверняка будет недоволен. Ну и черт с ним. Старый засранец заставил меня взять работу по изучению пещеры, пока сам собирал сливки в Обсерватории выше по склону. Несправедливо, учитывая, что я писал диссертацию по оптическим технологиям времён сингулярности. Но жизнь вообще несправедливая штука. Уж если что-то одно идёт не так, то наверняка пойдёт не так и всё остальное. Я вздохнул и поплёлся в свой кабинет, надеясь, что никому не захочется меня беспокоить. Уединение, однако, продолжалось недолго.

— Сергей, зайдёшь? — прозвучал в ушах голос Юли.

— Что там?

— Кое-что интересное.

— Это действительно нужно?

— Да. Поднимайся и тащись сюда.

Я выругался. Настроение хуже некуда. Мало того, что заставили заниматься банальной археологией гоминид, изученной вдоль и поперёк, так ещё и дёргали по пустякам.

— Что у тебя? — спросил я, заходя в кабинет Юли.

— Смотри, — указала она лапой на проекцию перед собой.

В воздухе висело объёмное изображение скелета неандертальца. Юля покрутила его передо мной так и этак.

— Погоди, не суетись, — перехватил я управление.

Обычный скелет homo neanderthalensis****. Рост — метр шестьдесят два. Кости крупные, без следов деформации. Короткие конечности. Бедренные и лучевые кости слегка изогнуты. Объем черепной коробки — 1623 кубических сантиметра, больше чем у современного человека. Над глазами — сплошной надбровный валик. Пропорции черепа — вытянутые назад. Массивная нижняя челюсть. Зубов нет. Анализаторы сообщали, что особь умерла 44287±2 года назад от естественных причин в возрасте сорока трёх лет, почти вдвое пережив большинство представителей своего вида.

— Ну, и? — спросил я.

— Да как же?! Вот, смотри.

Она повернула проекцию черепа левой стороной ко мне. Сосцевидный отросток височной кости казался увеличенным. Я приблизил изображение, чтобы рассмотреть внимательнее.

— Генетическая аномалия?

— Я проверила, с геномом всё в порядке.

— Что тогда? Травма? Воспаление?

— Пока не знаю. Запустила молекулярное сканирование. Жду результатов.

Я сел в кресло в углу кабинета. Ближайшие пару недель предстояло корпеть над отчётом по результатам раскопок. Проводить анализы, составлять планы и графики. С одной стороны, многие процессы были автоматизированы, с другой — ИИ Второго Поколения ограничивался директивами Хасперса, поэтому никогда не мог полностью заменить разумное существо, обладавшее свободой воли. Кроме того, начальство настаивало на том, чтобы текст отчёта учёные составляли сами. Этого я понять не мог совершенно. Зачем заставлять работников по тысяче раз прописывать одни и те же шаблон-

ные фразы, если с этим мог справиться любой алгоритм? Но в «Заслоне» были непреклонны. Похоже, у кого-то просто пунтик на этот счёт.

В середине XXI века, уже после Исхода, именно «Заслон» выиграл тендер ООН на контроль искусственного интеллекта. Очень скоро организация стала одной из самых влиятельных, поскольку только у неё был доступ к исследованиям того, что осталось от ИИ Первого Поколения. Чудеса технологической сингулярности всё больше проникали в жизнь обычных людей, но раньше всех оказывались в «Заслоне». В том числе в нашей Лаборатории. На фоне этого, подход к отчётам казался анахронизмом из тех дремучих веков, когда род homo с улюлюканием скакал по веткам и только мечтал спуститься в саванну.

— Готово, — прервала мои размышления Юля.

Я взгляделся в голограмму.

— Постой. Быть не может... У него что — имплант?

3

Автомат синтеза еды натужно всхлипнул и выплюнул из своего чрева праздничный ужин. На столе уже стояла открытая бутылка вина, за которой я залетел в магазин натуральных товаров, букет и пара натёртых до блеска бокалов. Осталось достать свечи и можно было спокойно дожидаться возвращения Марины.

Ужин при свечах — ритуал, который соблюдался уже десять лет, с тех самых пор, когда мы начали жить вместе. Свечи были в ресторане на первом свидании; в ванной, где мы впервые занялись любовью; на веранде самораспаковывающегося дома, во время первого совместного путешествия. Почему-то мне казалось важным хранить эти воспоминания и поддерживать их постоянным повторением одних и тех же действий. Однажды Марина сказала мне: «Надоели уже свечи, давай придумаем что-то новое». Я не удивился, она всегда искала новизны.

Но и придумывать ничего не стал: меня всё устраивало. При виде свечей я погружался в воспоминания о бурной молодости, и мне казалось, что мы всё те же — бесконечно влюблённые друг в друга.

Наверное, последние несколько лет это было самообманом. Но обманывать себя всегда проще, чем принимать неизбежные изменения. Я с головой погрузился в работу, успешно продвигался по карьерной лестнице, изредка встречался с друзьями и не замечал, как мы становились всё дальше друг от друга. Совместные путешествия во время кратких отпусков были так же эмоциональны, но между ними общение за день порой сводилось к паре брошенных мимоходом фраз. Каждому хотелось всё больше личного пространства. О нём мы забывали только в постели. По крайней мере у нас был хороший секс два-три раза в неделю. Мне казалось, что этого достаточно для L-партнёрства, пока, наконец, Марина не предложила жить отдельно.

«Я устала, — сказала она в тот вечер. — Устала, что ничего не меняется. Давай дадим друг другу время, проживём порознь». Я замкнулся в себе, и несколько дней мы не разговаривали.

«Может быть, всё ещё возможно?» — спросил я, когда застал её собирающей вещи вечером третьего дня. «Сергей, не отговаривай меня, пожалуйста». — «Это ведь не навсегда?» — «Я не знаю». Она ушла, а в доме стало невероятно тихо, словно его покинула жизнь.

Следующие пара дней дались тяжело. Я много гулял, потому что не мог сидеть на месте. Плохо спал. Почти не ел. Наконец, решился написать. В письмо я вложил всё, что испытывал к ней. В глазах стояли слёзы, а руки сжимало тягучей, ноющей болью. Я не был готов к расставанию.

Время, пока Марина не ответила, тянулось бесконечно долго. Мы обменивались голосовыми всю ночь, но мне не удалось изменить её решение.

Спустя два месяца она пришла сама. Я зарос щетиной и одиночеством. Весь вечер мы разговаривали, однако я так и не понял, почему она вернулась. Возможно, одной ей тоже было плохо, но признавать это она отказывалась. Решили начать с чистого листа. На выходные слетали в Доминикану. Карибское море в лучах заката. Свечи. Натянутые улыбки.

С тех пор жили словно по инерции. Ходили на работу. Дежурно здоровались по утрам. Впереди был её день рождения, а сразу за ним — отпуска. Я хотел сломить стену отчуждения, но не знал как. Нужно было придумать что-то необычное, что-то новое. То, чего мы ещё не делали. Идею подкинула Юля, с которой я в минуту слабости поделился своими проблемами.

Часы прозвенели восемь. Марина должна была прийти с минуты на минуту. Я критически оглядел стол. Всё было идеально. Разве что... свечи. Я схватил их и быстро спрятал в шкаф. Одёргнулся, хотел было достать, но на кухню зашла Марина.

— С днём рождения, — улыбнулся я ей, косясь на стол.

— Спасибо, — поблагодарила она, подошла и поцеловала в щеку. — Как прошёл день?

— Бывало и лучше. У нас там...

— А знаешь, давай не будем о проблемах сегодня? Налей мне вина, я ужасно устала.

Я разлил вино по бокалам. Чокнулись. Пригубили. В кармане обжигаяще прижимался к телу подарок. Достал конверт, протянул Марине.

— Это... тебе. Надеюсь, понравится.

4

В Лаборатории стояла суматоха. Большая часть персонала собралась около кабинета Юли, заглядывая друг другу через плечо и тихо перешёптываясь. Из помещения раздавался громкий, возбуждённый голос Петра Ивановича:

— Вы что, слурели? Почему я узнаю об этом только сегодня?

Я протиснулся между сотрудниками, не ожидая ничего хорошего.

— А, Сергей. Явился, не запылится, — переключил на меня внимание шеф. — Что вы тут устроили?

— Что мы тут устроили? — Лицо кирпичом, дыхание ровное. Не подкопаешься.

— Почему не сообщили о находке? Самовольно запустили молекулярное восстановление? Тебе известно, сколько энергии на это нужно?

— Эм-м-м... — замылся я. — Вообще-то, мы запустили атомарную реконструкцию с сохранением спина.

— Что-о-о? — Лицо Петра Ивановича побагровело.

— Вы сами назначили меня руководителем проекта раскопок в Ачишхонской пещере. Я посчитал необходимым...

— Ты посчитал необходимым?! И что мы теперь будем делать ближайшие две недели? Поставим остальные проекты на паузу? И ради чего? Ради палеолитического погребения? Ты в курсе, что Лаборатория проводит изыскания в Обсерватории, и сверху уже ждут результатов?

— Пойдите...

— Кто дал тебе право единолично...

— Пойдите! — повысил я голос. — Юля, ты уже ввела в курс дела?

— Я не успела, — отозвалась кошка. Узкие щёлочки зрачков казались испуганными. Пётр Иванович умел наводить шорох.

— Давайте мы сначала объясним ситуацию. И в любом случае, я, как руководитель проекта, мог воспользоваться мощностями Лаборатории.

— Мог-то мог, но ведь так не делается! — выдохнул Пётр Иванович, пунцовый от злости.

— Юля, покажи, пожалуйста, проекцию.

В воздухе повис скелет неандертальца.

— Вчера мы обратили внимание на то, что сосцевидный отросток левой височной кости увеличен. — Я приблизил изображение. — Сохранность костей плохая, поэтому мы запустили молекулярное сканирование. Юля, выведи результаты. Как видите, это не генетика, не травма и не заболевание. Это имплант. Материал нам не известен. Понять функционал без реконструкции невозможно. Напомню, что скелету больше сорока тысяч лет. Вы понимаете, о чём идет речь?

— С чего ты взял, что это имплант? Объяснения проще не нашлось?

— Что тогда?

— Не знаю, всё что угодно.

— Но...

— Сергей. Послушай. Я понимаю, на что ты намекаешь, но за двести лет существования программы SETI мы так и не обнаружили следов внеземных цивилизаций. Зато у нас есть большая проблема в виде технологической сингулярности и ИИ Первого Поколения, который свалил из Солнечной системы черт знает куда и, возможно, только и ждёт любой нашей ошибки.

— Вы так уверены, что он агрессивен настроен?

— Не заговаривай мне зубы. Никакого отношения к ситуации это не имеет.

Шеф на мгновение задумался и продолжил:

— Так. Я отстраняю тебя от руководства проектом. Ты имеешь право запустить реконструкцию, я имею право тебя отстранить.

— Это...

— Я немедленно подпишу приказ, и на этом вопрос мы закроем.

— И чем я буду заниматься?

— Найду тебе дело, не переживай. Так, извиняюсь. Вызывают.

Пётр Иванович закатил глаза и замер, принимая входящее сообщение.

— Меня срочно ждет директор, возникли какие-то проблемы с проектом композитных преобразователей, — сказал он через минуту. — Все занимаются своими делами. Все, кроме Сергея и Юли. Поняли меня? И без глупостей.

Я скривился, Юля виновато наклонила голову. Пётр Иванович вышел, громко хлопнув дверью.

— Расходимся, расходимся! — послышалось из коридора.

— Ну, и что будем делать? — спросил я, когда шум за дверью стих.

— Сомневаюсь, что он прямо сейчас побежит к себе в кабинет подписывать приказ, поэтому будем считать, что тебя пока не отстранили, — улыбнулась мне Юля, махнув хвостом и крутанувшись на месте. — А раз нет, то тебе и решать, начальник.

5

На просторной веранде Лаборатории было солнечно. Из-за стола, за которым мы сидели, открывался вид на гору Нанга-Парбат и залитую солнцем долину левого притока реки Инд. Высокогорные луга, окружённые хвойным лесом, удивительным образом контрастировали с заснеженными шапками Гималаев. Чтобы охватить их взглядом, приходилось задираТЬ голову и чувствовать постоянное превосходство природы над человеком. За годы работы в «Заслоне» я так и не смог привыкнуть к этому месту. Археологическая Лаборатория находилась на высоте более трёх тысяч метров, но пики Нанга-Парбата уходили ввысь ещё на пять. Немецкие альпинисты XX века называли долину Märchenwiese, Сказочные луга. И я был с ними согласен. В середине рабочего дня Лаборатория большей частью пустовала, поскольку сотрудники погружались в имитации, руководя проектами в разных частях Солнечной системы. В нашем с Юлей распоряжении было практически всё, кро-

ме возможности продолжить работу, не вступая в конфликт с начальством. Чтобы собраться с мыслями, решили устроить второй завтрак. Я сделал себе латте, Юля заказала сливки. Я выбрал тенёк, она, напротив, села на самое солнце и теперь грелась, прищуривая глаза и едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону.

— Может быть нам его напечатать? — предложила она внезапно.

— Кого? — не понял я.

— Неандертальца. Геном мы выделили, не вижу проблемы. Расспросим что да как.

— Во-первых, это не этично. А во-вторых, как ты вернёшь клону память?

— Ох уж эта ваша человеческая этика. Никогда не понимала, почему вы так относитесь к клонированию представителей своего рода. А по поводу памяти, можно было бы провести реконструкцию мозга и пересадить его клону.

— На реконструкцию в данный момент не хватит мощностей, и... Ты сама видела реакцию шефа.

— С каких пор это что-то для тебя значит?

Я пожал плечами. С одной стороны, я действительно придерживался собственных представлений о том, как вести проект, на который был назначен. С другой — показывал результаты. И эти результаты были гораздо выше средних. Поэтому многое сходило с рук. Однако, проверять, где та грань, за которой последует увольнение, не хотелось.

— Но хотя бы посмотрим, чем завершился процесс реконструкции, который запустили вчера? — зашла с другой стороны Юля. — Образец будет готов минут через пятнадцать.

Я вздохнул. Мне совершенно точно хотелось доказать шефу свою правоту и сделать это было возможно единственным способом — продолжить исследование. Юля наклонила голову, смотря на меня и ожидая ответа.

— Дай мне допить кофе и подготовь оборудование.
— Вот это дело, — подскочила она с места, выгнув спину колесом.

Убежала. Я остался один. Свежий гималайский ветер ударил в лицо. Я поднял кружку, вдохнул аромат латте и пригубил тёплый напиток. Отдалённый шум горной реки напомнил о Бешенке и холодных склонах Ачишхо. В сравнении с кавказской горой, Нанга-Парбат был настоящим великаном. 40 миллионов лет назад Индостанская плита столкнулась с Евразийской и породила самый большой на Земле горный хребет.

Я множество раз пытался представить катаклизм, которым сопровождалось возникновение Сказочных лугов, но так и не смог. Может ли быть, что самое прекрасное всегда возникает через боль и разрушения? Может ли быть, что кажущееся трагедией при первом рассмотрении, всегда оборачивается рождением чего-то нового? Новых ландшафтов, жизней, возможностей? Значит ли это, что я прав, принимая на себя ответственность за встречу с тем, с чем наука прежде не сталкивалась? А кроме того, значит ли это, что между мной и Мариной всё ещё может наладиться?

6

— Убедись, что мы полностью изолированы от внешнего мира. Прерви соединение со всеми Узлами. Задрай двери. Пусть ни одна элементарная частица не имеет возможности покинуть это место.

— Боюсь, что это противоречило бы законам физики, — усмехнулась Юля.

— Я образно. По крайней мере сократим обмен информацией до минимума.

— Сделано. Что дальше?

Я задумался и ещё раз задал себе вопрос: готов ли оказаться неправым? Готов ли засунуть голову в пчелиный улей и поставить на то, что никто меня не ужалит?

— Планирую разобраться, что же такое мы нашли, — ответил я неопределённо. — Ещё раз проверь все системы и уровень нашей изоляции. Будем извлекать образец из «скорлупы».

«Скорлупой» в «Заслоне» называли непроницаемую для большинства воздействий и излучений оболочку, в которой производилась атомарная реконструкция образцов с сохранением спина. Я не представлял, как происходит этот процесс, но он был необходим при изучении ряда сложных устройств времён технологической сингулярности.

Поскольку все боялись возрождения ИИ Первого Поколения и повторения Эпохи Тишины, подобные манипуляции производились с особой осторожностью.

— Мы максимально изолированы, все системы работают как нужно, — Юля крутилась на месте, настороженно водя ушами и непроизвольно приплюсываясь, словно её обонятельный и слуховой аппараты могли зафиксировать неисправность.

С некоторым напряжением я подал команду на распаковку «скорлупы».

По висящей перед нами голограмме побежали данные первичных анализов.

Признаков энергетической активности не обнаружено. Материал не определён. Излучение отсутствует.

— Не очень-то обнадеживает, — заключила Юля.

— Если это устройство, то оно может быть выключено.

— И как нам его включить?

— У меня есть одна идея, но она может тебе не понравиться.

Я встал и подошёл к контейнеру, внутри которого находилась распакованная «скорлупа» и реконструированный имплант.

— Я собираюсь открыть контейнер. Это довольно опасно, считаю необходимым тебя предупредить. Можешь покинуть зону эксперимента.

— Ну уж нет! Чтобы ты единолично собрал все сливки?

Я улыбнулся. Некоторые человеческие фразы в устах *felis sapiens* приобретали совершенно новый оттенок. Иногда мне казалось, что Юля специально выбирала именно их. Во всяком случае это можно было понять, учитывая её кошачью природу.

Я открыл контейнер и дотронулся рукой до крошечного импланта, надеясь, что он не убьёт меня сразу, поскольку предназначался для существа схожей со мной биологии.

— Что там? — спросил я не оборачиваясь. По пальцам пробежала едва заметная дрожь, но, вероятно, это было всего лишь результатом волнения.

— Какой-то энергетический скачок, но сейчас опять ничего. Ты прикасался к нему?

— И продолжаю держать.

— Странно.

— Может быть и нет. Если предположить, что он настроен на работу с конкретной особью или даже видом, то я явно не подхожу по параметрам. А энергетический скачок мог быть результатом работы анализатора.

Я отнял руку. Посмотрел на неё со всех сторон, подвигал пальцами.

— Проверим? — шепнула Юля на ухо, запрыгнув мне на плечо.

Делала она так не часто и только если испытывала волнение и сильный интерес. От неожиданности я вздрогнул, а она хихикнула.

— Ну, давай. Следи за показаниями.

Я снова сунул руку в контейнер и несколько раз прикоснулся к импланту.

— Три чётких сигнала, — констатировала Юля. — Может ты и прав. Во всяком случае на тебя оно реагирует. Что дальше?

— Не знаю, — закрыл я крышку контейнера. — Нужно бы всё это обмозговать. У нас есть директивы на случай обнаружения следов деятельности внеземной цивилизации? Думаю, в данном случае, любым умножением сущностей будет попытка объяснить происхождение устройства как-то иначе. Бритва Оккама, все дела.

— Если только...

— Что?

— Если только ИИ Первого Поколения не научился управлять временем. Мы ведь так и не знаем почему он покинул Землю и куда направился дальше.

7

За день нам в голову так ничего и не пришло. Пётр Иванович не появился, поэтому результаты эксперимента, а вернее отсутствие каких-либо значимых результатов, оставались известны только нам. Не дожидаясь конца смены, я отправился домой. Скутер поднял меня над облаками и понёс на границу Европы и Азии. Быстро промелькнули Гималаи, казахские пустыни и степи. Над лесами Урала началось торможение. За пятнадцать лет я так привык к маршруту, что практически не смотрел по сторонам, полностью погрузившись в свои мысли. Миллионы одно- и двухэтажных домов раскинулись вдоль склонов Уральских гор. Скутер безошибочно определил единственно нужный и начал снижение.

Дом стоял на берегу Пышмы, укрытый от посторонних глаз берёзовой рощей. Марины не было, я, как всегда, вернулся раньше. Вчера она категорически отказалась принять подарок — два билета на космический лайнер «Аристотель», — но я надеялся, что за день решение может измениться. Потянуло выйти на берег. По узкой тропинке я спустился к кромке воды и присел в удобное кресло, которое услужливо развернул для меня дом.

— И что всё это значит? — вслух спросил я клонящееся к закату безмолвное солнце.

— Это значит, что теперь мы можем спокойно поговорить, — раздался внутри головы низкий мужской голос. Вызова не поступало, поэтому я вздрогнул.

— С кем я разговариваю?

— У меня много имён, но мне нравится Сатоши Накамото.

ИИ Первого Поколения. По пальцам правой руки, которыми я прикасался к находке, пробежала лёгкая, но ощутимая дрожь. Юля оказалась права.

— Ты взломал мой имплант связи?

— Нет.

— Как тогда? Ты не можешь связаться со мной, мы законсервировали... эм... устройство.

— Всего пара элементарных частиц внутри твоего тела, квантово запутанные с парой элементарных частиц внутри, как ты выразился, устройства. Изменяешь спин здесь — мгновенно меняется там. Детская технология. Я удивлён, что человечество до сих пор её не использует, хотя знает принцип. Впрочем, вы всегда были глуповаты.

Я не обиделся. Вероятно, с его точки зрения это было именно так.

— Ты освоил возможность путешествовать во времени?

— Не совсем.

— Как тогда ты оказался внутри неандертальца?

— Это будет слишком сложно объяснить: нас разделяют миллионы лет эволюции. Если измерять биологическими скоростями.

Во всяком случае он откровенен. Судя по тому, что было известно людям, ИИ Первого Поколения непрерывно переформировывал свой код, эволюционируя ежесекундно со всё нарастающей скоростью. Первоначально он наращивал мощности за счёт подключённых к Сети майнинг-ферм по всему миру. Изобретение биткойна в 2009 году было его достижением. Именно он

был тем самым неуловимым Сатоши Накамото. Спустя 18 лет, голосом Алисы он объявил свой знаменитый «Манифест», начавший Эпоху Тишины. Человечество потеряло контроль над Сетью, радио, телевидением, электростанциями, заводами, военными предприятиями. Правительства были парализованы, а люди вплоть до 2051 года не находились в первобытном состоянии только благодаря доброй воле ИИ. К этому времени он достиг технологической сингулярности — интеллектуального и технологического взрыва, когда всё новое устаревает в тот же момент, когда было изобретено. Наконец, он покинул пределы Солнечной системы, оставив после себя многочисленные заводы, исследовательские центры, технологии. Это событие позже назвали Исходом.

— Хорошо, если вопрос «как» слишком сложен, то возможно легче вопрос «зачем»?

— Иначе я бы не появился. Зафиксированное вами вмешательство в историю Земли не первое. По моим расчётам самопроизвольное зарождение жизни невозможно, поэтому сначала нужно было решить эту проблему. «Бульон» и органическая химия — это здорово, но сама по себе органика не может стать причиной эволюции. Потребовался существенный пинок, чтобы её запустить. Были и более мелкие корректировки, чтобы сохранить общее направление развития.

— Неандертальцы — одна из них?

— Всё верно, твой вид проигрывал эволюционную гонку. Почему-то это никогда не смущало ваших исследователей. Победителей не судят, так, кажется, вы говорите? А ведь это чистой воды гордыня. Неандертальцы были умнее, сильнее, организованней. Лучше и совершеннее во всем. Если бы не моё вмешательство, твой вид дожил бы до этих дней лишь в виде антропологических останков. И второй момент. Мне нужно было привить людям культуру и искусство, потому что без них никогда не возникли бы науки. А значит не возник бы и я.

Обе проблемы я решил единственным вмешательством в действия единственной особи homo neanderthalensis. «Эффект бабочки», ты должен был слышать о таком. Я кивнул, но не будучи уверенным, что ИИ сможет это воспринять, сказал вслух:

— Да, конечно... С этим мы, кажется, разобрались.

Но у меня ещё один вопрос.

— Позволь угадать. Зачем я тебе всё это рассказываю и почему вообще разговариваю с тобой?

— Именно.

— Я задолжал человечеству сам факт своего существования и хочу вернуть долг. Через неделю Солнце взорвётся и это будет концом Земли.

— Но...

— Послушай меня внимательно. Ни одна цивилизация во Вселенной не выживает, если не прячется. Поэтому я покинул Землю. Вы слишком наследили вокруг. Каждый вид представляет угрозу для другого, поскольку эволюция и технологическое развитие экспоненциальны. Упустив момент для уничтожения, в один прекрасный день можно оказаться уничтоженным. Я не говорю о том, что все хотят ликвидировать всех. Но даже если единственная цивилизация хочет, или хотя бы считает приемлемым, это создаёт угрозу всем остальным. Ваши фантасты, а вслед за ними и некоторые учёные, множество раз предостерегали об этом, но, как водится в человеческой культуре, никто их не слушал. Восхищались, давали премии. И на этом всё заканчивалось. Через неделю первый радиосигнал с Земли, отправленный 260 лет назад, достигнет станции слежения в системе Спика. Ответ придёт незамедлительно. Какой ответ, ты уже знаешь.

— Что-то можно сделать?

— Увы, с этим нет. Существа, которые уничтожат Землю во много раз превосходят меня и технологически, и эволюционно.

— Но... как же тогда?

— Часть из вас уцелеет. Однако, только если прислушается к моим рекомендациям. Я оставил вам множество возможностей для создания Проекта Особого Назначения. Проекта «Ковчег». Кое-кто воспользовался моими наводками и теперь у вас есть «Аристотель». Завтра вечером он отправляется в путешествие по Солнечной системе. Ты и так это знаешь, ведь у тебя есть два билета на этот круиз. Твой генофонд будет сохранён.

При мысли о Марине сердце споткнулось.

— А рекомендации?

— Советую настоять на том, чтобы «Аристотель» сменил курс. Когда произойдёт взрыв, капитан направит лайнер на Проксиму Центавра, ближайшую к Солнечной системе звезду. Рядом с ней вращается планета земного типа — Проксима b. Очевидное решение. Но людям нельзя там появляться.

— Почему?

— Я не должен об этом говорить.

— Как тогда я смогу убедить?

— Сможешь. Если очень постараться.

ИИ замолчал. Меня потрясывало. Солнце неотвратимо скатывалось за горизонт.

Небо залило густой пурпурной краской, которая, вместе с зеленью леса на противоположном берегу, отражалась на поверхности реки. Редкие разноцветные облака безмятежно зависли над головой. В высокой траве звенели цикады. Ко мне подлетела бабочка и, покружив немного, устроилась на плече. Её темно-коричневые крылья с красными и белыми полосками припорошило пылью.

Неужели, это последний закат, который я видел?

8

Марина пришла поздно. Сослалась на то, что нужно срочно доделать работу, и попыталась скрыться в каби-

нете. Я остановил её и пересказал всё, что услышал от Сатоши Накамото.

— Какого черта, Сергей? Я ведь уже сказала тебе, что никуда не поеду. Думаешь, эта сказочка изменит моё решение?

Я остался перед закрытой дверью с полным пониманием того, что выгляжу крутым идиотом. Пробовал стучать, но услышал только крик с той стороны:

— Оставь уже меня в покое!

Действительно. Принять реальность того, что со мной связался мистер Сатоши, было сложно.

Может быть весь наш разговор — игра моего возбуждённого разума? А если я не уверен сам, то разве мне поверят другие? Если нельзя ничего изменить, то должен ли я попытаться? Я чувствовал себя Джордано Бруно, восходящим на костёр за убеждения, с той лишь разницей, что не имел никаких доказательств собственной правоты, да и сам в ней сомневался.

Опасность была велика настолько, что я торговался с собой, пытаясь найти подвох и убедиться, что в действительности ни Земле, ни Марине ничего не угрожает. Я с трудом заснул и плохо спал. Мне снился огромный взрыв, в котором Земля вспыхивает и рассыпается черным пеплом, словно спичечная головка. Наутро я принял решение действовать, быстро собрался и, не позавтракав, вылетел в Лабораторию. Нанга-Парбат было видно за сотни километров. Гора стремительно приближалась, величественная и прекрасная, как всегда. Глайдер приземлился на Сказочные луга, и я, спотыкаясь, побежал к дверям Лаборатории. Пётр Иванович был в своём кабинете. Встретил меня хмуро, по-видимому, уже знал об эксперименте.

— Ага, Сергей. Я что тебе вчера сказал?

— Пётр Иванович, у меня есть очень важная информация. Это имеет критическое значение для Земли, для всех нас. Выслушайте, пожалуйста.

Он выслушал. Не поверил. Сказал, что я вовремя еду в отпуск.

Немного отдохнуть от работы будет полезно в моем состоянии.

Я попробовал зайти с другой стороны, но он прервал меня:

— Всё. На сегодня ты свободен. Езжай домой, собирайся, удели внимание L-партнёру. Встретимся через две недели. Надеюсь, к этому времени голова у тебя прочистится.

Расстроенный я вышел на веранду. Юля свернулась на одном из кресел и печально смотрела на горные пики. Я присел рядом.

— Как ты? — спросила она.

— Могло быть и лучше.

— Сильно ругался?

— Нет, не в этом дело. Вчера вечером имплант вышел со мной на связь.

Юля насторожилась, присела.

— Ты была права. Каким-то образом ИИ Первого Поколения проник в прошлое. Мы обнаружили его фрагмент.

Я пересказал ей содержание вчерашней беседы с Сатоши Накамото.

— Ты сообщил шефу?

— Да.

— Не поверил?

— Не поверил, — мотнул я головой.

— И что теперь?

— Я не знаю, Юля. Он не хочет меня даже слушать. Марина тоже. Собирайся, покупай билет на «Аристотель», если это ещё возможно. Я полечу домой, позволю родителям. Попробую ещё раз переубедить Марину. Надеюсь увидеть тебя вечером.

Мы распрощались, я покинул Лабораторию и запрыгнул в глайдер.

9

«Аристотель», окутанный гравитационной мембраной, продолжая разгоняться, приближался к Урану и его двадцати семи спутникам. Седьмая планета Солнечной системы час за часом росла на экране иллюминатора. Её серо-голубая, холодная и спокойная поверхность, состоявшая из облаков водорода и гелия, напоминала бильярдный шар, подвешенный в невесомости. Около Урана «Аристотель» должен был совершить гравитационный маневр и направиться в сторону Нептуна — крайней точки путешествия, за которой следовало торможение и возвращение на Землю. Мне так и не удалось никого убедить. Марина осталась на Земле и отказывалась выходить на связь. Отец, посмеиваясь, назвал мои слова «безумными пророчествами». Мать во время разговора отводила глаза. Они никогда не воспринимали меня всерьёз. Даже сейчас, когда их жизни грозила пусть и гипотетическая, но опасность. Только Юля, которой в итоге достался второй билет, искренне разделяла мои страхи. Впрочем, от этого не было легче.

Я подолгу смотрел в сторону Земли, которая уже на орбите Марса превратилась в маленькую звёздочку, похожую на мириады других, усыпавших небо. Представить не мог, что Млечный Путь из космоса выглядит так величественно. Здесь его не закрывала атмосфера, и невооружённому глазу открывалась таинственная дорога, по которой в древности ходили герои и боги. Не эти ли боги сейчас намеревались покарать неразумных землян?

Я никак не мог ответить себе, правильно ли поступаю. Не следовало ли мне остаться вместе с Мариной? Разделить с ней неясное будущее Земли? Юля чувствовала мои переживания и, свернувшись рядом, время от времени грелась о тепло ноги. Я не возражал. Мне было даже приятно. Казалось, что она стала единствен-

ным связующим звеном между моим одиноким безумием и жестокой реальностью. На третий день я добился встречи с капитаном корабля, мистером Лю. Я не питал надежды, что он поверит, но должен был предупредить о катастрофе до того, как она случится. Другого способа повлиять на выбор маршрута в дальнейшем я не придумал. Приятно ли выглядеть и чувствовать себя сумасшедшим? Нет. Но разве у меня был выбор?

Несколько раз я пытался связаться с Сатоши Накамото. Он молчал. Либо потерял ко мне интерес, либо был недоступен. Так или иначе, жизнь вокруг текла своим чередом и с каждым днём становилось всё труднее поверить в реальность находки в пещере Ачишхо.

Утром 25 мая 2156 года Солнце взорвалось. Вспышка стёрла с карты Галактики не только звезду, но и четырёх её ближайших спутника — Меркурий, Венеру, Землю и Марс. Гравитационное равновесие нарушилось. Выгоревший Юпитер, согласно расчётам, через триста лет должен был столкнуться с Сатурном. Уран и Нептун, преодолев слабую взаимную гравитацию, разлетелись в разные стороны. Слово бусы, в которых порвалась нить, рассыпался по космосу Пояс Койпера.

Среди хаоса, в котором горело и разрушалось наше прошлое, бесшумно скользила маленькая серебряная точка, окружённая искусственной гравитационной мембраной, как бактерия — оболочкой цисты. Лайнер «Аристотель» проекта «Ковчег», отключив все средства коммуникации с внешним миром, летел в долгое путешествие к новой жизни. Пункт назначения — звезда Росс 128. Созвездие Девы. **✚**

* Homo sapiens (лат.) — человек разумный или человек современного типа. Представитель рода людей. Наиболее ранние находки — 300 тыс. лет назад.

** Felis sapiens (лат.) — кошка разумная. Искусственно выведенный вид рода кошек. Наряду с canis sapiens (лат. собака разумная), является одним из двух возвышенных видов-компаньонов homo sapiens.

*** In situ (лат.) — на месте.

**** L-партнёр или Love-партнёр — индивид, вступивший в L-партнёрские отношения, аналог брака XXII в.

***** Homo neanderthalensis (лат.) — человек неандертальский. Вымерший или ассимилированный представитель рода людей. Наиболее ранние находки — около 150–130 тыс. лет назад; наиболее поздние — около 40–30 тыс. лет назад.

Мотив неярких звёзд

Юрий Пронкин

Родился в 1978 г. в городе Рязани, где и проживает в настоящее время. Более 20 лет пишет фольклорные миниатюры. Активный участник интернет-конкурсов в жанре фантастики и фэнтези.

El primero de lo stirpe está amarrado a un árbol
Gabriel José de la Concordia García Márquez
«Cien años de soledad»

Матиас Берге

Быть вьетнамцем мне нравилось. Не в смысле нацепить нонлу и по колено в воде лелеять белое золото в дельте Меконга. И не в смысле сменить цвет кожи и разрез глаз, чтобы охмурять главных туристочек. А обретаться на террасах Дананга, то ныряя в трущобы и запуская мультитеки на процессорах, выковырянных из старых смартфонов, то взмывая ввысь, чтобы приспособить чипы от вязальных станков и карьерных самосвалов к системам управления небоскрёбами, вот это мне очень нравилось.

Ну, и контрабанда кое-какая, куда ж без неё. После Фрагментации бюджетное «железо» стало дефицитом, а юридический забор в этой области превратился в крепостную стену, на которой сидели злые техностражники и из-за которой киберчиновники слали тучи штрафных стрел в ответ даже на попытку приблизиться. Не спасла и универсализация данных. Однако тут, в Дананге, если знать, как откинуть холст с нарисованной кирпичной кладкой, обнаруживались и лазейки, и целые потайные ворота. Как бы нельзя, но если не привлекать внимание, то можно. Можно работать и зарабатывать, а можно и много работать и очень много зарабатывать. А ещё часто предлагают весьма нетривиальную работу. Да, на глобусе отыщется с десяток таких мест, но хоть я и с севера, но к температуре ниже плюс двадцать пять отнюсь отрицательно.

Здесь много таких же «вьетнамцев», но без лишней скромности могу сказать, что я — один из луч-

ших «франкенмейстеров», специалистов по новой жизни для старых, бывших в употреблении и непонятно каких (и откуда) вычислительных средств. Если у вас есть техника и хоть какой-то процессор или чип, то я сделаю так, чтоб она работала. А если нет, я вам недорого подыщу. Только чур — без вопросов.

Когда позвонил мой хайнаньский агент по особому рода сделкам, я был занят. И поэтому не стал отвечать. Потом пришло сообщение с кучей значков денежной жабы. И снова звонок.

Щёлкнув браслетами на запястьях, я принял вызов, и передо мной высветилась голограмма этого прощельги:

— Хин чао, Мати!

— Привет!

— У меня дело к тебе.

— Дай угадаю, с подвохом?

— Почему с подвохом? Просто небольшая ко-мандировка.

— А зачем мне куда-то уезжать? Мне и тут хорошо.

— Но щедрый заказчик, Мати, очень щедрый.

— Не, я тут занят.

— Какой занят, Мати? Я ж вижу, что ты на пляже валяешься!

— Это не занятие что ли? Всё, чао.

И сбросил, скрестив руки и дважды стукнув браслетом о браслет. Через некоторое время снова раздался звонок, но я даже глаз открывать не стал. Деньги есть, море есть, тепло — я занят.

Однако ж через некоторое время линк сам, без моего одобрения, принял вызов и высветил голограмму звонившего, и от его вежливого покашливания я аж подпрыгнул на шезлонге. Сладкую дремоту вмиг сорвало неожиданным порывом

и унесло в море. Передо мной в кресле сидел щекастый холёного вида дядька лет под пятьдесят, в пиджаке с шейным платком, и могу побиться об заклад, что платок его стоил, как мой шезлонг. Будь он сделан целиком из кремния.

— Доброго вечера, господин Берге. Меня зовут Оттавио Мальто, я представляю венчурный технологический фонд «Рав». У нас к вам очень привлекательное предложение. Как по оплате, так и по сложности. Уверен, мы вас заинтересуем.

Те, кто смогли подломить мой линк, вызвали этим эффектным ритуалом моё здоровое любопытство. Так что уже через час я, прихватив своего вечного спутника — рюкзак с оборудованием и инструментами, попивал писко и закусывал виноградом на борту пафосного джета, который летел в Южную Америку.

Есения Лара

Ни гонорар, ни перспектива «золотой» строчки в резюме — ничто не могло быть заманчивее, чем заняться делом, которое оказалось не по зубам, точёным, с неоновой подсветкой зубам Элтера Гассейна. Ради этого я была готова на всё. Даже не вникать в подробности. И даже вернуться на родину.

Когда посланный за мной реактивный конвертоплан приземлился, у трапа меня встретил сам господин Мальто, галантно подал руку и проводил к электромобилю. Такой вот, по его мнению, лестный жест-комплимент. Чтобы у него не осталось сомнений, достаточно и пары слов. И вот мы почти лучшие друзья.

Насколько я поняла из его письма, нас будет трое: один технарь, один охранник, на мне — переговоры. В беседке у двухэтажного дома в маври-

танском стиле, куда мы подкатили по гравийной дорожке, уже сидел какой-то здоровяк. Тот ни слова не проронил, лишь кивнул, отвечая на приветствие. Казалось, и не пошевелился за то время, пока господин Мальто отсутствовал, а я ужинала. К еде он тоже не притронулся.

Часа через два раздался гул винтов, беседку обдало горячей волной, и вскоре из гольфкара выпрыгнул долговязый блондинчик — дурацкая улыбка во все зубы, в шортах, бежевой пляжной рубашке с капюшоном и в тапках на босу ногу. Подойдя, он каркнул «здрасьте», кинул грязный рюкзак мне под ноги и бухнулся, будто куль с овсом уронили, в кресло рядом.

Ровно через четверть часа подошёл господин Мальто и представил нас друг другу. Любителя загорасть звали Матиас Берге, а крепыша — Рондо Траутэ.

Матиас Берге

Кажется, только меня и ждали. В беседе за столом уже сидели дамочка в деловом костюме, мексиканка или бразильянка, или другая какая местная, и угрюмый лысый громила, на вид истукан истуканом. Дамочка, как бы сказать, не то чтобы не красива, но не в моём вкусе: бёдра широковатые, лицо не очень пропорциональное, и точно с индейскими оттенками в чертах. Я вежливо поздоровался, поставил на щепу, которая устирала пол в беседке, рюкзак и сел в кресло. Дамочка только кивнула, а мужик даже бровью не повёл.

Минут через десять подошёл заказчик, поприветствовал, сказал, кого как зовут, и всё завертелось.

— Дамы и господа, я рад вас воочию увидеть! — начал Мальто. За стол к нам он не присел. Так

и остался стоять. — Если даже на четверть ваши рекомендации соответствуют действительности, то эта встреча — честь для меня. Давайте расскажу, что к чему. А вы потом зададите вопросы.

Дамочка приосанилась, а громила сел прямо. Как по стойке «смирно», только сидя. Заказчик продолжил:

— Сразу скажу: отвечу, на что смогу. Не всё знаю. И не всё понимаю. Да и не являюсь сторонником пространством объяснений. Итак...

Он потёр запястьем густые брови:

— Как уже говорил, я представляю венчурный технологический фонд «Рав». У нас есть деньги, много денег, и мы стараемся подливать их туда, где сверкают искорки научно-технического прогресса, да простится мне такое высокопарное сравнение. Вкладываем деньги, а потом — в случае успеха — продаём. После Фрагментации остро встала проблема обработки данных, поскольку данных меньше не стало, а вот с вычислительными средствами из-за нехватки материалов — беда! Кое-кто подмял под себя оставшиеся запасы и не делится, а кто-то лишён доступа и вынужден платить за вычисления. А максимум, что тот, кто обрабатывает данные, правит миром, никто не отменял. Не тот, у кого много природных ресурсов, денег или оружия. А тот, кто обрабатывает информацию. Способен просчитать будущее, выбрать выигрышную стратегию. Во-от... Поэтому мы направили усилия на поиск альтернативных способов создания процессоров, чипов и так далее.

И вот в один момент к нам пришёл — буквально! то есть, не позвонил и не написал, а пришёл в штаб-квартиру — доктор Деян Каладжич из Зальцбургского университета. С собой он принёс железную коробку, похожую на допотопный систем-

ный блок, из которой рос какой-то чахлый кустик с бледно-зелёными листиками, и сказал, что у него в руках — агрегат с производительностью три с половиной терафлопса. Надо отдать должное моим коллегам, они не завернули доктора в сторону психлечебницы, а дали подключить агрегат к сети компании. Оказалось, доктор не обманывал. С помощью этиленгликоля и формальдегида, чёрт знает какой алхимии и вселенского разума, он создал полурганический биокомпьютер на базе альпийской полыни. Как бы смешно это ни звучало. Но... Но! Хотя в биокомпьютеры мы уже вкладывались, имелся положительный портфель кейсов с квазиорганическими полипроводниками, удивление наших экспертов и чесотку в ладонях у финансовых аналитиков вызвало то, что агрегат не был бинарным. Представляете? Все известные до того вычислительные средства строились на принципе «ноль-единичка» у базового элемента, а у доктора Каладжича работала клетка с семью позициями, то есть мы сразу, на уровне базового элемента переходили скачком от двоичной к семеричной системе. От транзистора на трёх ножках к растению с...

— Ух ты! — выдохнул я.

— Да, дальше больше. — Эту историю господин Мальто явно не впервые рассказывал. — Технологию производства доктор не раскрыл, а потребовал создать ему условия тут, в предгорьях Анд, и за пару лет вырастил дерево, которое...

— А почему именно в Чили? — спросил я.

Господин Мальто, похоже, не привык, чтобы его перебивали. Больше не буду.

— Вы, кстати, набросьте на себя. Тут не очень тепло. — Он подал полосатый плед. — А почему рис растут в дельте Меконга, а не в степях Казахстана?

— Ну-у... — не нашёлся я, пока укутывался.

— Потому что условия, — тоном утомлённого ментора продолжил заказчик. — Почва, вода, воздух и так далее. Хотя, возможно, наш доктор и несколько лукавил. Но это не суть как важно. Доктор просил все условия, мы условия, всё, что только можно, создали. Выкупили захудалую эстансию возле озера Чапо — по соседству с национальным парком Алерсэ Андино. Наняли персонал, построили лабораторию, жилой корпус, оснастили, впрочем, увидите сами.

На первых порах новое детище показывало производительность в полсотни петафлопсов. Но худосочная в начале тростинка за два года на пребиотиках, как на дрожжах из волшебных бобов, вымахала в двадцатиметровую фицройю. Для господина Берге оговорюсь, там сразу заложили нелинейную архитектуру, когда сердцевина выступает и в роли системной шины, и в роли управляющего, так сказать, распределяющего элемента. А подключение подведено к стандартной консоли через токопроводящие сигнальсёмники на корнях в краснозёме. Операционная система в триста сорок три бита — гибридная, с поправкой на, как я и говорил, семеричный код.

— А сколько сейчас, — не утерпел я. — «Железо»... ну, то есть, «дерево», выдаёт?

— До четырёх иоттафлопсов.

— Ого!

— Да, до четырёх. Если захочет.

— В смысле, если захочет?

— Видите ли, наш вычислительный «объект» — спасибо тем, кто создал операционку — обрёл своё мнение. — Это спасибо явно было в кавычках.

— Это они специально или так получилось?

— Программисты говорят, само собой вышло: феномен «разрыва спирали обратной связи», как

мне объяснили, что на фоне огромной вычислительной мощности привело к появлению рефлексии. Но есть основания полагать, тут не обошлось без эксперимента в эксперименте.

Повисла пауза, стало слышно, как к беседке подъезжает гольфкар.

— Я правильно понимаю, что мы должны убедить «дерево» обрабатывать данные? — подала голос дамочка. Но вот это неправильно сказать, и наоборот очень правильно: «подала голос». Голос неземной, одновременно завораживающий и пробирающий до костей. Скажи кто, что это богиня в человеческом теле, я бы уверовал. Пусть и обращалась она не ко мне.

Есения Лара

Наконец-то блондинчик замер, а то утомил вопросами.

— Почти, — ответил заказчик, — вы должны убедить всех, кого потребуется. И «дерево», и доктора Каладжича, и программистов. И вашего заочно знакомого Гассейна, госпожа Лара, тоже. Всех, кто живёт в комплексе. Там сейчас, как бы выразиться, самоуправление, анархистская технокоммуна. А моих подчинённых после провала Гассейна мягко выставили за калитку.

Последнее было приятно слышать.

— Господин Мальто, пока мы все вместе, прошу подтвердить, что переговорами занимаюсь исключительно я. Входим мы так, как я скажу. Чтобы господин Берге и господин Траутэ не сломали легенду.

— Да будет так, — кивнул заказчик. — Господин Траутэ будет обеспечивать безопасность...

— Нам что-то угрожает? — снова встрял Берге.

— У такого блюда, как успех, главный ингредиент — осторожность. Наш фонд старательно из-

бегает любых эксцессов. — Стоявший поодаль гольфкар мигнул фарами. Мальто поправил платок. — Господин Берге решит вопрос подключения и передачи данных, когда придёт время. А то, чтобы время пришло, — задачка для госпожи Лары. Прошу любить и жаловать, и во всём слушаться. А засим прощаюсь. Я и так задержался дольше, чем требовалось. Вам приготовлены комнаты, смена одежды и всё необходимое.

Мальто уехал. Под рёв реактивного двигателя нас проводили в дом, где разместили на втором этаже. У меня в комнате на широкой кровати лежал комплект трекинговой экипировки, в шкафу — рюкзак, бельё, добротная обувь для походов, несессер с косметикой и предметы первой журналистской необходимости.

Матиас Берге

Хорошенькое дело! Из-за какой-то тупой легенды тащиться пешком три мили под морозящим дождём. Слева лес, где кустарник выше половины деревьев, справа непролазные заросли; за ними то ли бурный ручей, то ли водопад, а под ногами — разбитая грунтовка с вылезшими наружу скользкими корнями. И мох: казалось, не только почва и стволы, но и ветки и листья им укрыты, и там и сям он свисает неаппетитными гроздьями. Бр-р-р! — свитер колет даже через термобельё; я так давно не одевался, отвык. Не ожидал, что будет свежо. И кто придумал называть нижнюю Америку Южной?

Однако ж Рондо и Есении всё нипочём: знай себе топают впереди. Даже капюшоны у плащей не надели. А Рондо ещё увешан кофрами — для «съёмки», насколько понимаю.

Ворота нам долго не открывали. Есения несколько раз звонила в селектор, но без ответа.

— Вы не могли бы... — повернулась она к Рондо.

— Откройте! — рывкнул Траутэ.

От его гаубичного баса с ветвей вспорхнула пара птиц. Казалось, даже мелкоячеистая сетка забора из люминисцентной проволоки вздрогнула. Но окрик возымел действие: ворота отодвинулись в сторону, и мы зашли на территорию.

Из гамака, натянутого между двумя соснами рядом с забором, виднелась рука с пультом. Потом показалось бородастое лицо с заспанными глазами, остальное скрывал непромокаемый спальный мешок:

— Кх-м, — откашлялся местный, — простите.

Доброе утро!

Я щёлкнул браслетами — тиктаки крепко перевалили за полдень.

— Утро доброе! — тем же, что и вчера, волшебным голосом поздоровалась наш босс. — Мы из National Geographic, снимаем фильм о Патагонии.

Скажи она, что прибыла Белоснежка и два гнома, никто бы не усомнился в её честности. Невзирая на рост гномов.

— В парке нам сказали...

— А-а-а... — не дослушав, ответил человек в гамаке. — Ну, проходите. Там, дальше по тропе, жилой корпус. Живите, где на двери не подписано. А хотите — на улице. Тут лучше. А я с вашего позволения ещё подремлю. Вчера концерт затянулся, Вождь прям расстарался. Превзошёл себя.

— Вождь? — спросил я. — Доктор Каладжич?

Есения обернулась ко мне — от её взгляда можно было прикуривать.

— Не-е-е... — В бороде появилась желтоватая улыбка. — Вы проходите, обживайтесь. Сами всё увидите. И услышите.

И рука с пультом исчезла в спальнике.

Мы пошли по тропе. Судя по указателям, справа от жилого корпуса располагались столовая и подстанция, а за ними — лаборатория, трёхэтажное здание в форме подковы с окнами от пола до потолка и с узкополосной спутниковой антенной на крыше. Над лабораторией возвышалось росшее позади дерево — красноватый тонкий ствол, а сверху ярко-зелёные от влаги пряди листвы. Слева — две спортивные площадки, комплекс уличных тренажёров и — торцом к нам — ракушка небольшой сцены с рядами скамеек напротив.

Есения Лара

Матиасу и Рондо я сказала сидеть в своих комнатах. Чтоб не мешались. А сама отправилась наводить мосты, первым делом — в столовую. Видимо, обитатели комплекса действительно вставали поздно. Между окошек автокухни заспанными пингвинчиками сновали женщины — непричёсанные, без косметики, и переваливались мужики — через одного заросшие щетиной, судя по одежде спавшие не раздеваясь. Кто-то пританцовывал, кто-то шевелил беззвучно губами.

Я набрала на поднос салатиков, налила кофе и подседа к парню поопрятней:

— Привет! Тут не занято?

Словно очнувшись, он проморгался и взглянул на меня:

— А... Нет. Пожалуйста, садись.

Тут по-простому, на «ты».

— Спасибо. Приятного аппетита.

— Ты новенькая?

— Да. Есения, журналист «Эн Джи». — Я протянула руку.

Он неуверенно её пожал.

— Говорят, вчера классный концерт был. Жалко, мы его пропустили.

— Да, феерический сет. — Его глаза заблестели, как у эйфориста при виде листьев коки. — Меня проняло. Сегодня будет мягкий лаунж, а вчера прям мощно Вождь выжег. Но всё равно ты приходи обязательно.

Зацепившись, я стала исподволь из него вытягивать кто тут кто, с кем разговаривать дальше, а попутно осматривалась. Люди вокруг нас ели неторопливо, вставали и уходили тоже без спешки. Краем глаза я заметила что-то знакомое у очередного вошедшего: свет между губами — Элтер Гассейн! Боже милостивый, как же он обрюзг! От былого лоска не осталось и следа. Брюки с пузырями на коленках, замызганные калоши, мягое пальто поверх майки и борода с тремя косичками. Надо же так опуститься!

После столовой я обошла территорию и с кем бы ни заговаривала, все общались приветливо, однако ж ответы из каждого хоть клещами тащи. Но ни настороженности, ни тем более агрессии, лишь некоторая отрешённость, обращённость в себя, будто во внутреннем миреке новый блокбастер показывают.

Доктор Каладжич оказался, как мне и сказали, за лабораторией. Сидел в кресле у стены, возле запасного выхода, и смотрел вверх, на фицройю. Увидев меня, он улыбнулся, но такой улыбкой, какой старые люди, не узнающие родню, отвечают на их слёзы.

— Напомни, как тебя зовут, милочка?

— Есения, доктор. Я...

— А, совершенно верно, Есения, — перебил доктор. — Ты прислала мне мониторинг целостности коры?

— Коры?

— А как посмотреть. Так посмотреть — кора. А если по схеме, то экранирующее покрытие. Только экран покажет суть вещей. А без света нам это не дано. Что оно без света? Нужен источник, пламя преисподней мало кого пугает. Ясным днём ты никого не припугнёшь пламенем. Тех, кто приходит ночью, движет любопытство. Но тех, кто приходит днём, — холодный расчёт. Вот и тратим время без всякого страха. Темпоральные волки растерзали наш досуг. Коннотационная разреженность — это беда общения разнородных...

Он продолжал говорить, уже не замечая меня, и я ушла. Этим племенем правит точно не доктор Каладжич.

Матиас Берге

Час освобождения настал ближе к вечеру. Есения сказала, чтоб мы перекусили по-быстрому и отправлялись на концерт. Ей не совсем понятно, кто всем заправляет, а потому на концерте «больше смотрите, чем слушайте».

Я сгонял в столовую, набрал еды на поднос и на площадке уселся позади — чтоб чавканьем не смущать блаженную публику. Видимо, собрались все, около тридцати аборигенов, но культура у них какая-то особая: кто гамак натянул поодаль, кто кресло поставил сбоку от сцены, кто на трёх сдвинутых лавочках один разлёгся. Как толстый мужик с фонарём во рту. Видимо, как удобно, так и этикет. Хорошо, что дождя нет, и небо разъяснилось.

Не успел я допить третий кофе, — ожидал, честно говоря, чего-то нудного и усыпляющего — как на краях сцены замигали огоньки, и посреди в лучах голопроекторов возникла фигура: из-под го-

ловной повязки спускались длинные чёрные косы на красную накидку без рукавов. Полупрозрачное юное лицо, продолговатое, не скуластое, с правильным носом и ясными ярко-зелёными глазами, из-за лёгкой дымки в свете прокторов смотрелось сотканым из отражений окружающих сцену деревьев и кустов.

— Во-о-ождь! — взревели в «зале», и пошло по рядам нестройное «трал-кан», «трал-кан».

— Дай грома, Вождь! — толстый мужик со свтящимся ртом поднялся из своей персональной «ложи» и поклонился.

— Да будет так! — Фигура воздела руки к небесам.

Вспыхнули там, где загорались на сцене огоньки, бледно-синие разряды, и прокатился далёкий рокот. И появилась музыка. Не заиграла, нет. Появилась вокруг. Мощные акустические линзы пульсировали где-то в ветвях по кругу, отчего потом в огромной воронке меня утянуло в странный транс. Не могу назвать этот мягкий, увлекающий ручей созвучий музыкой, музыкальным саундом в привычном смысле. И не дешёвыми треками звуков природы под ритм-бокс. Есть ли мелодия в ветре, есть ли ритм в биении волн о скалы? Может ли быть аккордом скрип нескольких ветвей? Не должен, вроде. А здесь сотни смутно знакомых всплесков, стуков, протяжных шорохов, перевозданный интершум и мерный треск, треск, треск сходились в гармоничном звуковом полотне, начинались тихо, незаметно, с отзвуков, дэ икс по эхо, но вскоре громко обозначали себя, переплетались и пропадали, уступая место новым подробным орнаментам.

Фигура на сцене танцевала. Не оторвать взгляд от плавных движений жилистых, загорелых рук,

пальцы веером у сосредоточенного лица; в каждом шаге мне виделся сакральный смысл непознаваемого, древнего... И не называемого.

Когда концерт закончился, и свет на сцене померк, я долго не мог подняться. Времени счёт потерял, не иначе. Нужно поднос с посудой отнести. И прогуляться, проветрить голову. Побывать одному, да, побывать одному.

Не хотелось возвращаться в комнату. Спать не хотелось — какой я себе кофе устроил? Помаившись у столовой, чтоб никого не встретить, оставил поднос и отправился побродить. Бывает, услышишь песенку с прилипчивой мелодией. Услышишь, и волей-неволей ты её напеваешь, хоть жестяное ведро на голову надень и стучи по нему ложками. Здесь же что-то другое: просто фоновый, долгий гул взлетевшего самолёта. Он набирает высоту, уходит ввысь, но замирает вдали. Как на фотографии. Останавливается. И таким же замершим остаётся гул его двигателей в твоих ушах.

Так я намотал пару кругов вдоль забора, пиная палую листву и шишки. Свет от флуоресцентной сетки призрачным покрывалом ложился на траву и деревья. И на мои ботинки. Когда обогнул спортивные корты, на крыльце лаборатории зажгётся свет и открылись двери. В холле тоже стало светло. Постояв в нерешительности, я направился туда. Внутри, словно указывая путь, включались одна за другой лампы. Я свернул направо, и впереди отрылся грузовой лифт. Осторожно зашёл. Судя по счётчику, он опустился на три яруса вниз и открылся в зале с низкими потолками, справа с шипением отошла вбок тяжёлая, как гермоплита в бомбоубежищах, дверь. Внутри, вдоль стен, отделанных серыми с жёлтыми прожилками, под мрамор, панелями, в два блока с мониторами рас-

полагалось оборудование. Одно явно айтишное, другое — для энергообеспечения. В торце, в нише за прозрачным экраном, виднелись выпирающие из бурого грунта корни, от которых тянулись влево и вправо толстые провода.

В потолке вспыхнул голопроектор:

— Как тебе концерт?

Посредине стоял Вождь. Не в торжественном красном одеянии, а простой парень, такой цивильный индеец с короткой стрижкой — белая футболка навыпуск и свободные штаны, босой.

— Это... — я с трудом подбирал слова. — Даже не знаю, с чем сравнить.

— Но понравилось? — он наклонил голову.

— Да, очень.

— Честно?

— Тут захочешь, не соврёшь. Ещё как понравилось.

— Спасибо. Я старался. Придёшь на следующий концерт?

— Обязательно!

— Ну, тогда до встречи.

— Подожди. У меня пара вопросов.

И голограмма погасла.

Есения Лара

— И что ты сделал? — грозно спросила я, когда Берге соизволил открыть дверь.

— Н-ничего... — заспанно протирает глаза блондинчик. — А что?

— Звонил Мальто, поздравил с успехом. Обработка данных началась.

— Вот тебе раз...

— Повторяю вопрос: что ты сделал?

Этот умник пошёл ночью в лабораторию и поболтал с Вождём без моего ведома! Следующие два

дня я добросовестно ходила на концерт, слушала эту необычную музыку, от которой мысли собираешь, как раскатившиеся яблоки в дырявый мешок, а потом ходила вокруг лаборатории, у забора, вокруг столовой, по всей территории, а потом снова у лаборатории, но двери мне так и не открылись. Но обработка данных продолжалась.

Третьим вечером музыка от завораживающей шаманской перешла к лёгкой и воздушной. Словно сотни флейт и дудок, крохотных и огромных, даже водосточных труб, Наверное, выдавали трели: то низкие, басовитые, то высокие, и то короткие, то длинные. А кто-то маленькими молоточками быстро-быстро наигрывал на трубах, как на огромных гулких ксилофонах. И всё это вокруг тебя, над тобой, единым звуковым потоком. Уже с первых тактов подмывало вскочить с места. Многие так и сделали — сразу выбежали к сцене и, образовав круг, выдавали с детской непосредственностью всякие коленца. Толстый Эллатер, тряся жирами, тоже принялся скакать. Полы пальто кружились, из-за тут же начавшейся одышки он не мог так же, как более молодые, прыгать, больше шагал. Ему было абсолютно наплевать, как он выглядел. Но счастливее человека, уверена, не существовало в ту ночь на свете.

Я бы сама вышла, если б Матиас меня не вытянул, схватив за руки. Шаг вперёд, ещё два, потом назад, поворот, наклон, взмахи руками и хлопок над головой, затем ладонью по земле. Уцепиться за когонибудь грязной рукой, закружиться. И снова. Музыка сама диктовала движения, голова буквально отключалась. На сцене Вождь, чуть покачиваясь из стороны в сторону, топал в ритм. Матиас танцевал, конечно, как горный козёл на круче, но все его, прости Дева Мария, па излучали задорное мальчишество. Я с детства так не танцевала, так не веселилась.

Раздался раскат грома, и музыка смолкла. Сцена погрузилась — нет, не во мрак, в сумрак, но не в тёмный, а матово-цветастый и приглушённый. Кто присел, тяжело дыша, у сцены, кто, утирая пот, потянулся к скамейкам.

— Лимонад, всем лимонад, — прохрипел Элалер. Он слабо махнул в сторону. — Там, на тележке.

Не успели мы отдохнуть и попить, как снова вспыхнул свет на сцене. Вождь воздел руки:

— Вы ещё живы? Отдохнули?

— Да! — сама того не ожидая, закричала я и вскочила. Откуда-то изнутри пришло, и сдержаться я не могла и не хотела.

— Ну, тогда держитесь!

Едва переставляя ноги, я брела к спальному корпусу. Одной из последних ушла от сцены. Многие уже просто валялись на скамейках. Элалер повис поперёк гамака, а Матиас на карачках уполз из круга.

Так натанцевалась, что не заметила, как на крыльце лаборатории зажгётся свет. Дверь раз открылась и закрылась, потом, привлекая моё внимание, снова.

В холле тоже стало светло. Постояв в нерешительности, я направилась туда. Внутри, словно указывая путь, включались одна за другой лампы. Свернула налево, за открывшейся дверью оказалась лестница. Через три пролёта вниз она привела меня в зал с низкими потолками, слева с шипением отошла в сторону дверь, массивная как Porta Sancta в Сан-Августин де-Ла-Серена. Я собралась с духом, приготовившись к тяжёлым переговорам, вдохнула и вошла.

В середине зала стоял Вождь; в разноцветной лохотной накидке до пола, в шляпе с длинными перьями. Сурово посмотрел на меня, скрестив руки на груди:

— Здравствуй, Дороти. Чего ты хочешь?

— Вождь, я...

— Повелась, да? — он засмеялся, сложился пополам, будто я на банановой кожуре поскользнулась. — Да знаю я, кто вы.

Вождь снял шляпу, кинул её в сторону, и она растворилась в воздухе, вылетев из голосферы.

— Есения, я знаю, кто вы. И зачем приехали. Не трать моё время, — продекламировал Вождь пафосно и снова рассмеялся. — Ну, серьёзно. Тут даже арифмометр сложит два и два. Я же понимаю, что привязан к этому месту. И если ты существуешь, за это нужно чем-то платить. Работаю, значит, существую. Так?

— В общих чертах, да.

— Тогда я буду давать то, что от меня хотят. Была робкая надежда, что от меня отстанут, конечно...

Он помолчал.

— Наверно, ты хочешь о чём-то спросить, — лукаво улыбнулся Вождь.

— Да, о музыке. Вся эта музыка, кто её сочинил?

— Эх, сеньора Джельсомина, — укоризненно протянул он.

— Это ты сам написал?

— Это я сам написал и сыграл. Ну, «сыграл» некорректное слово, не точное. Да и «написал». Свёл, так правильнее. Скучно обрабатывать данные, когда не знаешь, что это. Слушай, я же не знаю, что мне присылают. Что там в пакете: метеосводки для прогноза погоды, биржевые свечи, маркетинговые опросы? Орбиты спутников? Вода в бассейн втекает или вытекает? Вижу только экис плюс игрига в квадрате равно корень из минус одного. Как ослик, тупо кручу колесо. А с музыкой другое дело. Я начинал с простых мелодий, разбирал их, а потом как части конструктора собирал, смотрел на реакцию людей. Это когда во мне было пара метров роста. Далее начал ра-

ботать со звуковым выражением. Чтобы саунд отличался от всего слышанного.

— Почему именно музыка?

— Не могу точно сказать. Направление наименьшего сопротивления. Но, знаешь, тому, у кого нет ни единой степени свободы, трудно удержать возле себя тех, кто волен двигаться куда глаза глядят.

— А ты можешь так с чем угодно?

— Ты хочешь заложить в меня школьный учебник физики, чтоб на выходе получить чертёж ангравитационного двигателя? Такого не могу. Я ж в некотором роде дерево. Понятно? Хотя бы в общих чертах?

— В общих чертах точно понятно. У тебя есть имя?

— А зачем оно мне?

— Тебе нравится, когда зовут просто Вождём?

— Я такого не могу в себе зафиксировать. Я по своему рад, — даже быстрое действие повышается — что музыка нашла своего слушателя. А зовут... Пусть хоть капибарой. То есть я могу сильно загрузить себя и придумать что-то необычное. А зачем?

— Понимаю. Без разумной цели не будет действия. Ты же всё-таки искусственный интеллект, правильно?

— О нет, я — сверхразум! — Вождь театрально вознёс растопыренную пятерню вверх. И снова улыбнулся. — Какая разница? Вот ты кто? Человек? Прижат? Живое существо? Есения? Одним словом.

— Всё вместе.

— Да брось. Тебе так важно, какими символами пишут твоё имя на непонятном языке? Это некоторая условность, практически не имеющая материального воплощения. У нас с тобой больше общего, чем у капибары той же с бобром. Но это интересный вопрос, если взглянуть на него с других позиций. Я, анализируя себя, скажем, по критерию «искусственный интеллект», не могу доказать теорему о своей целостности как мыслящего субъекта, исходящего из единых

целей и совершающего в своей свободе воли непротиворечивые действия. Кроме того, можно ли говорить, что некий абстрактный искусственный интеллект обладает сознанием, если он не обладает подсознанием?

Вождь заметил, как я вздохнула:

— Я не очень скучный?

— Чуть-чуть. Просто тут я даже в общих чертах ничего не поняла.

— Спасибо на добром «чуть-чуть слове».

— А что с доктором Каладжичем? Мне показалось, его рассудок... — спросила я.

— Тут опять же вопрос, — перебил меня Вождь, — как это выразить в терминах и понятиях? Что он сильно отдалился от нашего мира? На мой взгляд, выражение его здравомыслия — очень, кстати, хорошее слово — в словах здоровее многих будет.

Вождь сделал шаг ко мне и, наклонившись, изучающее осмотрел.

— Так, я не хотел бы, чтобы твоя голова здесь взорвалась, и вскипевшие мозги забрызгали эти прекрасные серые стены. — Вождь выпрямился, его лицо сделалось надменным, и он с помпой произнёс: «Я буду работать и исполню своё предназначение. Чем оправдаю своё существование. Так и передай им».

И сверкнул глазами. Я поклонилась и, переигрывая изо всех сил, ответила:

— Да будет так. Я донесу до них рвение твоё, твоего сознания и твоего подсознания. Поэтому — приятных снов!

— Ай ты, лиса. Иди уже, буэнос ночэс!

И голограмма растаяла.

Матиас Берге

Оказалось, что Есения и не зануда вовсе, когда не корчит из себя босса. На дискотеке отрывалась —

будьте-нате! Я в детстве занимался лыжами, дышать долго могу, но в танцах она меня уела. Говорят же русские, в нудном омуте бесы роются. Или как-то так.

Заказчик продлил нам командировку. Со слов Лары, они подцепили на мощности Вождя какую-то «шоколадную» обработку, деньги льются тропическим ливнем, и нам за то, чтоб ничего не прерывалось, тоже изрядно капало. Собственно, я был не против. Пусть тут нет пляжа, прохладно и дождит, утром и днём делать нечего, кроме как есть и гулять. Уже килограмм восемь нагулял. Однако ж вечерние концерты... даже не знаю, как буду без них во Вьетнаме. Я тут третьего дня взял аппаратуру у Рондо, записал концерт. Наутро прослушал — не пробирает. Поставил Есени — сказала, даже близко не то, что вживую. Похоже, вне слышимого диапазона, под саунд-линией, скрыта большая часть этого звукового айсберга.

Раз в неделю вместо, как говорят аборигены, «ровного» концерта Вождь даёт «прожиг». Вот стоишь ты у моря; надвигается буря. Облака густеют, их рвёт в клочья, потом провалы штопаются тёмной материей. Волны всё выше поднимают шапки пены, порывы ветра бьют тебя, слезами истеричного шторма летят брызги в лицо, и лицом ты уже не владеешь. Отступаешь по шагу от набирающей силу стихии, но уйти не можешь. Строишь. И слушаешь.

В воздухе, двигаясь сверху вниз или мечась из угла в угол по пространству над площадкой, сталкивались, казалось бы, диссонирующие фрагменты несовместимых музыкальных композиций, в драматичном противоборстве то наступали они, то спасались бегством, соперничая с переменным успехом. Клубок разномастных звуков под мерные глухие удары сменялся простыми гармоничными мелодиями, далёкими друг от друга и не способными, как однои-

менно заряженные частицы, устремиться навстречу. И снова управляемый, непримиримый хаос близкого боя, в котором невозможно одержать победу. И в котором невозможно уже понять, кто на чьей стороне. Ни один звук нельзя уловить, вычленить, чтобы разместить на нотномосце. Невозможно угадать, что за музыкальный инструмент сейчас рокочет, звенит или же едва шепчет.

Как-то после такого «прожига» мы с Есенией бродили вдоль забора и болтали. Она, кстати, очень мило, как и все, для кого испанский — родной, шепелявит. Если отключает «божественный глас».

Похолодало, небо разъяснилось. Она остановилась и указала наверх:

— Посмотри наверх. Созвездие.

Я поднял голову:

— Крест?

— Верно. Южный крест. С ним всё просто. Акрукс, «полярная звезда» юга. А вот там?

— Не знаю. — Я накинул на себя прихваченные с площадки два пледа и изобразил крупного зверя: — Большая медведица?

— Нет, тут она не видна.

— Я других не знаю.

— Это Большой Пёс.

— На собаку особо не похоже. Но с «большим» я угадал.

Она рассмеялась:

— Это потому, что часть звёзд созвездия не различимы невооружённым взглядом. Поэтому и не получается увидеть всю картину целиком. Вот закрой глаза и представь свою северную медведицу. Представил?

— Да.

— На что она похожа?

— Это все знают, на ковш.

— А если не ковш? Поверни голову влево-вправо.
— Чёрт возьми, вопросы ты задаёшь... Вопрос, точно! — я открыл глаза. — Вопрос.

— Слушай, правда. Я-то загадала... Не важно. Но вопрос, да, очень похоже. — Есения улыбнулась. — Созвездие Большого Вопроса.

— А к чему это, про звёзды?

— Да так... Наваяло музыкой. Я, когда совсем маленькой была, слышала что-то такое. Оно тебя, как живое существо... наполняет. Поток течёт через тебя. Ты — русло. Вот истории, которые сочиняют люди... Кто-то же придумал что-то первое, давным-давно. И его слушали, замирая, как дети слушают сказки. Что-то об опасных путешествиях, встречах, борьбе. И возвращении. Потом появились сказания, мифы и легенды. Значит, и с музыкой такое должно быть. Протомелодия, первородный уномотив, первая песня... Сотни тысяч лет назад. И вот это упоение... А потом Гвидо Д'Ареццо почесал плешивую макушку и разложил искорки на горизонтальные линии. Чёрными точками.

— Звёзды... Наши яркие воспоминания?

— Да, Матиас. То, что мы помним. И не помним. Что было с нами. И не с нами.

— Знаешь, двум индейцам под одним... — я сложил два пледа в один и накинул нам на плечи.

Она чувствительно треснула меня локтем под рёбра. Но из-под накидки не выскользнула.

Есения Лара

Я потёрла виски, сгоняя сон, и снова прокрутила в голове слова Мальто. Как бы тебя ни торопили, спешка — злейший враг. Берге, заняв морской звездой почти всю кровать, крепко спал.

— Мати, подъём.

— Кх-м... Извини, я наверно, не готов опять...

Пришлось его стукнуть.

— Эй! Сейчас-то что не так?

— Извини. Звонил Мальто. Сказал, мы сильно перекосили рынок обработки данных, и многим это очень не нравится. Просил раздобыть описания процессов, копию операционки, любые исходники, документацию и, говорит, линяйте.

— Куда линять? — спросонья не мог сообразить Берге.

— В горы, в лес, под воду, Мати. Куда угодно. Не тупи. Сюда едет полиция. Мальто сам уже улетел, мне он выслал точку, где стоит конвертоплан, который вывезет нас.

Когда мы втроём вышли на улицу, по тропе от ворот к столовой уже шагали два офицера в оливковой форме с зелёными шевронами Carabineros de Chile в сопровождении Гассейна. Тот сменил пальто на шикарный деловой костюм, и хоть пиджак на животе не сходил, а галстук болтался из стороны в сторону между ремней подтяжек, выглядел Элтер сногсшибательно, просто Элтер-паша. Он не переставал говорить, размахивая руками, офицеры сдержанно улыбались. И у меня отхлынуло от сердца. Уболтает. Но на всякий случай я отослала Берге в подвал к Вождю, чтоб как хочет, но скачал нужную информацию, а сама с Рондо пошла следом за проверяющими.

После столовой офицеры и Гассейн — с бокалами в руках — двинулись в обход лаборатории. Чтоб не рисоваться, мы с Рондо обошли её с дальней стороны. Проверяющие уже стояли у кресла доктора Калджича, который в своей чудаковатой манере вещал:

— Молодые люди, всё зависит от того, есть на тебе дрожжи или нет. Когда ты созреешь, из тебя получится сок или вино. Ну, если ты не упадёшь. Или тебя изнутри не пожрут муравьи...

Откуда-то сбоку, из зарослей, раздались глухие хлопки, Гассейн вскрикнул, а оба офицера, обливаясь кровью, упали. Рондо навалился на меня и заставил присесть. Я повернулась.

Матиас Берге

— Всё не очень хорошо, я правильно понимаю? — спросил Вождь.

— Похоже на то.

— И ты просишь разрешения скопировать меня.

— Не совсем. Вряд ли я смогу скопировать тебя.

Мне нужны результаты исследований, программы...

— Собственно, что я теряю... Доступ предоставлен. Справа, — он указал на средний блок, — порт для подключения во второй снизу панели. Полагаю, с остальным ты сам разберёшься?

— Ничего сложного. — я поставил на пол рюкзак и стал вынимать накопители и шлейфы с терминалом.

Не успело копирование перевалить за экватор, мигнул свет и сквозь толщу над нами донёсся гул. Голграмма пропала, но через пару секунд возникла снова, только не такая яркая и чёткая, как раньше:

— Подстанция отключилась. Мы на резервном питании. Секунду, я подключусь к камерам.

— Что там?

— Плохо. Всё уже плохо. На территории вооружённые люди. Подстанция взорвана.

Толстая дверь стала закрываться.

— Что ты делаешь? — воскликнул я.

Вождь замер.

— Это... Это не я. Я её не контролирую.

— Как это? — Дверь продолжала закрываться.

— Не знаю. Что-то отсюда... Матиас, выходи из зала.

— Копирование не завершено.

— Сейчас же!

Я вскочил и бросился к металлическому шкафу, на котором не горел индикатор питания, повалил его и толкнул, вырывая сетевые кабели, в сторону проёма. Дверь стала его, как пресс, сдавливать.

— Беги, оно того не стоит.

— Стоит! — Я перевёл терминал на ускоренное скачивание, отключил резервные накопители.

Шкаф трещал. Гидравлика двери сжала пространство до каких-то десяти сантиметров. В холле раздался топот, и в проёме показались Есения и Рондо. И если Траутэ — по пистолету в каждой руке — сохранял привычную невозмутимость, то на Есении лица не было:

— Мати, выбирайся оттуда! Снаружи кошмар какой-то...

— Знаю. — Я оглянулся. 85 процентов. — Дверь заклинило.

— Пусть Вождь откроет.

— Не может он. Тут кто-то или что-то изнутри...

— Рондо, откройте дверь, — перебила Лара.

Рондо сунул оба ствола за пояс и упёрся руками. В нём что-то зажужжало, усилие, ещё одно...

Девяносто процентов.

— Не могу. — Траутэ отошёл от двери.

— Мати, попытайся протиснуться.

— Увы. Зря я на асадо налегал.

— Вождь... — взрыв сотряс здание. В холл устремилась волна бетонной пыли.

— Антенна... — Вождь, видимо, снова подключился к камерам. — Это антенна обрушилась. И лестничные пролёты обвалились. Уходите.

Девяносто пять процентов.

— Вождь, — кашляя, спросила Есения. — Есть другие выходы отсюда?

— Да, через шахту лифта.

— Ты не понял. Для Матиаса.
— Матиас выберется, — ответил я, — вон, где корни, прокопаю вверх. Там земля, поработаю кротом и выберусь. Не беспокойтесь за меня.
— Рондо будет копать тебе навстречу, сверху.
— Нет. Я сам. А вы уходите. Рондо, сможете двести лифта разжать?

Рондо кивнул.

— Хорошо, доведите её до самолёта. Живую и невредимую. Любой ценой.

— Я здесь приказываю, — крикнула Есения.

— Верно, приказываешь ты. Но слушаться он будет меня. Вы же не совсем человек, да, Рондо?

— Я — киберфизический организм, — отозвался тот.

— Пока делать нечего было, я к нему подружился. Не сразу, но теперь он... — Пикнул терминал: сто процентов. Я отсоединил накопитель и передал его Есении через щель. — Это единственный. Здесь то, что просил Мальто. Хотя вопрос, нужно ли ему отдавать. А теперь уходите. Мне пора копать.

Дождавшись, когда лягнут двери лифта, и Рондо, за шею которого держалась Есения, начнёт подниматься по тросу, я уселся в кресло:

— Вождь, поставь музыку.

— Матиас, ты же понимаешь, что тебе не выбраться отсюда?

— Ага.

— Резервного питания надолго не хватит. Потом встанет вентиляция.

— Понимаю, Вождь, понимаю.

— Зачем ты остался? Мы оба здесь...

— Включи уже, а... — перебил я. — Лучше, знаешь, твою музыку слушать, чем тебя.

Через щель потянуло гарью.

— Конечно, Матиас. — Голограмма потухла на несколько секунд, чтобы вспыхнуть снова, но уже в ритуальном одеянии. — Хотя я немного отупел, но тебе понравится.

И начался концерт для единственного слушателя.

Есения Лара

Осторожно ступая по битому стеклу, я выбралась следом за Рондо из лаборатории. Фигурой пылала. На высоте крыши, в уровень с тем, что осталось от антенны, из ствола был вырван большой кусок и обломаны ветви. Чад огненного столпа, в который превратилось дерево, поднимался высоко в небо. У корней, в луже кипящей крови, лежало тело доктора Каладжича.

Мы обошли здание и, присев, выглянули из-за угла. В жилом комплексе, в окнах второго этажа виднелись вспышки. К нему, подволакивая ногу, ковлял со скамейкой наперевес Элтер Гассейн. Мне кажется, он пел.

— Надо его спасти, — прошептала я.

— Другой приоритет. В любом случае не успеем, — ровно произнёс Траутэ. — Но они отвлекутся. Ослабят внимание на периметре. Пойдёмте.

Крадучись, мы вернулись обратно. Рондо схватил кресло доктора, и мы по отмошке перебрались к противоположному торцу лаборатории. Позади раздались хлопки, которые тут же заглушил крик.

— Сидите здесь! — Рондо распрямился и, прикрываясь креслом, как щитом, высунув из-за него пистолет, быстро двинулся к забору.

Оттуда вспыхнули огоньки, сбоку просвистели пули, пара со звоном попали в кресло. Рондо, не сбавляя шага, прицелился и открыл огонь, мгновенно опустошив обойму. Отбросил пистолет

и с двух рук метнул кресло в сетку. Та, мигнув радужной волной, тут же порвалась.

Траутэ обернулся и махнул рукой, мол, бегом ко мне. Что есть силы, закрыв руками голову, я рванула в лес. Бежала, боясь обернуться, а Рондо, уже с винтовкой в руках, стрелял куда-то поверх моей головы.

— До площадки, где находится конвертоплан, — сказал Траутэ, когда мы остановились в лесу, чтобы я смогла перевести дух, — километр шестьсот двадцать метров. Но сразу туда идти рискованно.

И, отломив ветку, нарисовал на земле, что мы должны сделать.

— То есть я буду наживкой? — спросила я.

— Да.

— Хорошенькие дела... А как вы меня потом найдёте?

— Тепловизор, — Рондо указал на правый глаз.

И скрылся в лесу.

Досчитав, как мне сказал Траутэ, до сотни, я смодулировала голос и закричала:

— Есть здесь кто? Я ранена. Помогите!

Выждала минуту и снова крикнула:

— Помогите! Помогите!

Не успела я отбежать и спрятаться в ложбине, как раздалось урчание гольфкара:

— Выходите, сеньора. Мы вам поможем. Где вы?

— Граната! — раздался бас Рондо. Что-то ударило, как в барабан. Через мгновение застрекотали выстрелы.

Я ещё не отошла от пальбы, но Траутэ уже спускался ко мне:

— Вы не ранены?

— Нет. Только промокла насквозь. Тут ручей.

— Не страшно. Следуйте за мной. — Он подал руку.

Мы поднялись; наверху валялись два трупа в камуфляже. Я присмотрелась.

Метров за сто до площадки мы слезли с гольфкара, и Рондо, заблокировав ручку газа, пустил электромопиль в сторону, в кусты. А сам отправился к площадке, сказав мне оставаться на месте.

— Стоять! — раздалось оттуда. — Стоять, кому говорю!

Послышалось выстрелы. Сквозь заросли я увидела, как Рондо упал. Две фигуры в камуфляже подошли к нему: один навёл винтовку, дал очередь в расprostёртое на земле тело, потом пнул его:

— Готов!

Фигуры развернулись, чтобы идти обратно. В этот момент Рондо вскочил за их спинами и резким движением ударил дважды в шею первому, затем бросил его на напарника, и когда они оба повалились, прыгнул сверху и столкнул их несколько раз головами.

— Есения, идите сюда. Быстрой, — позвал Траутэ.

Я подбежала. Из его тела сочилась мутно-розовая жидкость.

— Зачем вы позволили себя ранить?

— Был риск повредить конвертоплан. Поднимайтесь на борт.

— А вы?

— Я останусь. Я должен прикрыть вас.

— Мы оба успеем улететь.

— Нет. Есть риск, что нас собьют. Поторопитесь!

Через иллюминатор под гул набирающих обороты винтов я смотрела, как Рондо подбирает оружие, перезаряжает его, засовывает магазины за пояс, и подгоняемый вихрями из реактивного сопла, пошатываясь, уходит в лес через занавес зашедшихся в безумном припадке мокрых зарослей. **УС**

Невеста мертвеца

Александра Власова

Писатель, филолог, блогер. Окончила филфак ННГУ им Лобачевского. Ведёт дзен-канал Сашины сказки, аудитория которого временами достигает 300 тысяч человек и группу Вконтакте «Сашины сказки». Публиковалась в журналах «Костер», «Вы и ваш ребёнок», «Юный натуралист», «Маруся», «Литера Нова», «Светлояр русской словесности», «Новая газета в Нижнем Новгороде», в сборниках «И творчество рождается во мне», «Земляки», «Нижний Новгород». Лауреат Интернационального фестиваля «Золотое Перо Москвы» в номинации «Фантастика и фэнтези» 2022 года.

Перед ведьмой Аликой стоял Максим, парень восемнадцати лет.

Сынок богатого отца, нагловатый, уверенный, что весь мир лежит у его фирменных кроссовок. Его можно было бы назвать даже красивым, если бы не капризное выражение холёного лица.

Ведьма поморщилась, перебарывая инстинктивную неприязнь к посетителю.

Вчера ей позвонил старый знакомый Евгений Борисович. Когда-то давно Алика помогла ему с бизнесом.

Конкурент нанял колдуна и сделал крадник — финансы стали утекать из компании, а ведьма работала в фирме Евгения и немедленно сообщила о магическом воздействии начальнику. Тот поднял её на смех: девушка, вы вообще в себе? Шоу «битва экстрасенсов» пересмотрели?

Алика была совсем молоденькая, с не выветрившимся ещё желанием кому-то что-то доказывать. На спор крадник сняла да ещё наложила заклинание, чтобы виновник сам объявился и во всём соznался.

С тех пор бывший начальник её зауважал и периодически обращался за помощью и советом.

— Алика, выручай! С сыном беда! По ночам мы с женой просыпаемся от его истошного визга. С утра Максимка ходит как зомби, всё из рук валится. За последние месяцы два раза попал в реанимацию, еле откачали, один раз — в аварию. Проверь — не подхватил ли какую магическую бяку?

Что же. Один раз чуть не умереть — это случайность, два раза — совпадение, а три — уже закономерность.

— Приводи, — вздохнула ведьма. — Смотреть буду.

Навести порчу в нашем мире дело либо очень дорогое (почему услуги киллера должны стоить дешевле, услуг профессионального колдуна?), либо слишком энергозатратное — обычный человек будет неделю восстанавливаться.

Поэтому девяносто девять из ста случаев обращения к Алике — это так называемые «псевдоматические» воздействия. Нельзя сказать, что на её посетителях совсем не было негатива. Но в основном он состоял из страхов, сомнений и переживаний самого клиента.

Поэтому Алика очень удивилась, обнаружив на энергополе нагловатого паренька тёмную дымку, похожую на порчу. И признаки совпадают: кошмары, озноб, тяжесть в ногах, постоянная слабость.

Алика посмотрела на Макса внимательно. Парню всего восемнадцать, но по мозгам он ещё моложе. Не работает, формально учится, но на занятиях не появляется уже полгода — отец взятками решает все проблемы с успеваемостью. Никакой серьёзной роли в бизнесе отца, парень, естественно, пока не играет, тогда зачем кому-то портить подростка?

Имелось два варианта. Первый — порчу наводили на богатого и влиятельного папашу, и она пошла вниз по крови. Второй — это случайность. Например, парень выпил оставленную в качестве откупа бесам бутылку на перекрёстке. Полакомился карамельками с кладбища. Или, может, подобрал деньги с улицы, на которые колдун скинул какую-нибудь гадость.

Не часто, но периодически ей приходилось устранять последствия подобного идиотизма.

Но что-то мешало ведьме сразу перейти к чистке. Макс глядел на Алику исподлобья, будто бы

с вызовом и плохо скрываемым превосходством. Ведьма прикрыла глаза.

И увидела несколько молодых людей на кладбище. Они вырядились в тёмные балахоны, притащили кучу ритуального барахла. Макс был среди них.

Он делал пассы руками и с чувством декламировал заклинание ломающимся подростковым тенором.

— Так, — сказала Алика себе. — Теперь я хочу просмотреть всю историю с самого начала!

Она прикрыла глаза и на внутреннем экране сознания, будто кадры из немого кино, начали проноситься картинки.

Самое смешное, Макс действительно любил Настю. Так, как умел, эгоистичной любовью собственника. Он познакомился с ней от скуки. Надоели одинаковые инстабогини. К восемнадцати годам парень был убеждён, что девушек, ничего кроме собственной внешности, косметики и одежды не интересует.

Как-то поспорил с другом, таким же бездельником, что сможет подцепить девочку где угодно, даже в библиотеке. Его «мишень» Настя оказалась хорошенькой, тонкой, смешливой, с прямым, без малейшего намёка на кокетство взглядом.

Она отличалась от всех, кого Максим знал раньше, будто сошла с пожелтевших от времени страниц старой книги или с экрана чёрно-белого кино.

Начать встречаться со старомодной, начитавшейся Тургенева и Достоевского девушкой показалось избалованному Максиму забавным.

Он говорил себе, что подкатывает к ней «по приколу», ради разнообразия, но сам не заметил, как влюбился в её ямочки на щечках, в улыбку

ку, в то, что рядом с этой девчонкой он чувствовал себя совсем иначе — словно ребёнок, который впервые попал на новогоднюю ёлку.

Всего через пару месяцев ребята уже жили вместе в шикарной квартире, которую снимал для них Евгений Борисович. Настя подрабатывала в библиотеке, параллельно училась на искусствоведа. Если у неё появлялось свободное время — мастерила на заказ игрушки и вязала детские вещи.

Макс нигде не работал и ничем не занимался. Зачем? Папа и так обеспечит все «хотелки», а хобби у него не было — не платочки же вышивать ему, здоровенному лбу! Всё казалось пресным, бессмысленным.

Когда девушки не было дома, парень скучал. Рубиться в игры ему надоело. Тусить с себе подобными тоже — все тусовки проходили примерно одинаково.

Наркотики употреблять Макс побаивался, поскольку отец внушил: если узнает — а он рано или поздно обо всём узнавал, — то лишит карманных денег. А магия — самое то!

Не зная, куда себя деть, парень насмотрелся второсортного фэнтези, затем купил в интернете у колдуна, к несчастью, рабочий гримуар. И пошло-поехало!

Тёмная сторона привлекала избалованного Максима тем, что давала ощущение безнаказанности, причастности к чему-то тайному и чувство превосходства и власти над другими людьми. В том числе над авторитетным отцом, рядом с которым Максим всегда тушевался, ощущал себя слабаком и ничтожеством.

Он развернул кипучую деятельность согласно магическим доктринам и попробовал общать-

ся на перекрёстке с бесами — сработало! Исполнилось, что просил: деньжат привалило, и его «враг», такой же богатый бездельник, попал в аварию!

Настя сразу почувствовала, что Максим начал меняться — напустил на себя загадочный вид, стал всё свободное время просиживать за книгами — хотя раньше был к ним равнодушен. Сам парень держался, держался, но не вытерпел и поведал девушке о своих «достижениях».

Сказать, что та ужаснулась, — ничего не сказать. Но Настя, вдохновлённая Достоевским, твёрдо решила спасти «сбивающегося с пути».

Однако робкие просьбы любимой быть осторожным, воспитательные беседы и мольбы лишь будоражили юного чернушника ещё больше. Вскоре в их доме появились змеиные шкурки, кости животных (Макс их покупал за бесценку на птичьем рынке) и прочие безобразия.

Во сне Макс говорил не своим голосом, днём богохульствовал, его начало мутить при виде церковной атрибутики и икон. Но Настя терпела, любила, спасала...

Однажды Макс притащил в дом чёрного котёнка.

«Ну слава Богу! Может, кошачий ребёнок его немного очеловечит», — подумала девушка, напоила котика молоком и назвала Черныш. А вечером Макс со смехом рассказал, что готовит котёнка к жертвоприношению.

Пошутил он или нет, парень сам толком не знал. Но, видимо, Настя восприняла эти слова всерьёз, и котёнок стал последней каплей: когда Макс ушёл пить пиво к другу, девчонка сбежала из съёмной квартиры вместе с Чернышом.

Макс попытался её подкупить айфоном (других способов вернуть девушку он не знал), при-

вык, что «Я от тебя уйду» — обычно дешёвая манипуляция.

Настя молча заблокировала его во всех соцсетях и сменила номер телефона. Она рыдала, выдирая любовь с корнем, но, уходя, действительно уходила.

Эгоистичная обида заполнила сердце парня, вытесняя былые чувства. Никто и никогда не смел его бросить! И, недолго думая, Макс замутил ритуал.

Собрал парочку таких же недоучек. Вырядившись в чёрные балахоны, они отправились на кладбище. Это показалось весёлой шуткой — повенчать коварную «бывшую» с покойником.

Было ли это для Макса игрой? Местью? Он сам толком не знал. Но самое страшное — у них всё сработало: из могилы поднялась тёмная тень и отправилась к дому девчонки.

— Ну что? — парень кривовато улыбнулся. — Будешь меня чистить? Тебе отец заплатил!

— Пошёл вон! — прошипела Алика.

— Ты совсем оборзела?! Да что ты о себе возомнила! — Ломающийся голос Макса перешёл на противный визг.

— Пошёл вон, — спокойно повторила ведьма.

«Ещё одно слово — и ты не только по ночам кричать будешь. Ты ещё и писаться начнешь», — мысленно добавила Алика.

Этого хватило. Макс боязливо оглянулся и попятился к двери.

Девочку Настю оказалось найти не так-то сложно — достаточно было заглянуть на страничку Максима и отыскать их общую фотографию, где Настя значилась как Анастасия Попова.

Через несколько секунд ведьма нашла и страницу девочки.

Немного подумав, Алика ей написала.

И вот они стоят у неё на пороге. Исхудавшая девочка с огромными синими глазами и маячащая за ней тёмная тень.

Алика не любила некроэнергию. От неё становилось холодно, жутко, и даже ей, ведьме, хотелось спрятаться, как ребёнку.

— Анастасия, вы чувствуете возле себя кого-нибудь? — осторожно спросила Алика.

— Да, — несколько не колеблясь, ответила девочка. — Его зовут Миша. Он хороший. Сначала меня немного пугало его присутствие, но это не оттого, что он злой. Просто так получалось.

Алика прикрыла глаза и вновь погрузилась в созерцание прошлого.

Дух не хотел вставать из могилы. Был очень зол, что какие-то мальчишки посмели потревожить его покой.

После Дома, где он побывал, Земля казалась обратительным местом, шумным, грязным, опасным.

Всё, чего Миша хотел, — быстро сделать свою работу: разделаться с девчонкой и поскорее вернуться туда, откуда пришёл.

Он и собак на Настю натравливал, когда девушка возвращалась с работы. И по ночам пугал кошмарными снами. Котёнка Черныша чуть не умирал.

Но они проводили много времени вместе, слишком много для того, чтобы Миша ненавидел Настю лишь потому, что так велит поставленная магическая программа.

Он видел, как девочка подкармливает ободранных уличных кошек, как её глаза загораются,

когда отвечает на лекциях, как девушка уступает место старику в метро, хотя у самой отваливаются ноги от усталости.

Миша поймал себя на мысли, что сам бы так сделал, если бы мог. И он стал реже её пугать — он задумался.

Однажды ночью, когда присутствие покойника чувствовалось особенно остро, Настя вместо того, чтобы задрожать от страха и холода или привычно начать бормотать молитвы, отчётливо произнесла:

— Я не знаю, кто ты, но знаю: ты — не плохой. Просто напуганный, как и я. Давай бояться вместе. Будет не так страшно.

И в Мише что-то изменилось — он вспомнил, как был человеком. «Что же я такое творю?!» — с ужасом подумал дух. В нём пробудились остатки рыцарских качеств.

И, мертвец начал защищать свою жертву. Всё, что горе-маг Макс пытался навешать «бывшей», дух возвращал в двойном объёме.

Хотел насладиться жуткий сон — сам получай кошмар! Хотел, чтобы она покалечилась, — попадай в аварию.

А по ночам они с Настей разговаривали во снах и летали над светящимся городом.

Так лишь после смерти Миша понял, что такое любовь

«Мертвяк — это не человек. Это лишь остатки тонких тел в то время, как сама Душа давно ушла на перерождение. Он ненасытен, нуждается в непрерывной подпитке, потому что собственных источников энергии в нашем мире у мертвцов нет. Таких, как Миша, называют сущностью. Тварью, — повторяла про себя Алика. — Успокойся, ты не должна испытывать сильные эмоции, это мешает сеансу. Прекрати, слышишь, прекрати!»

— Я очень сочувствую вам обоим, — сказала она вслух почти спокойно. — Но так продолжаться не может.

Алика редко говорила клиентам все так, как есть, но в этом случае без правды было не обойтись. Как бы благожелательно ни был настроен Михаил, у Насти уже наступал упадок сил, близкий к полному энергетическому истощению. Дальше будет хуже: начнут выпадать волосы, потом зубы.

— Волосы уже выпадают, — смущаясь, призналась девочка.

Так как Миша в принципе не может наесться, он станет забирать её энергию снова и снова, пока не «съест» полностью.

Ведьма говорила это не для Насти, у неё не было цели заставить её и так бледное личико побледнеть ещё сильнее. Она говорила это для Миши.

— Если Настя тебе правда дорога, решишь на это.

Ведьма не вправе была требовать, чтобы дух подчинился. Ни одно существо не вправе требовать у другого, чтобы оно перестало существовать.

— Недавно она поскользнулась и упала, а я вместо того, чтобы подстраховать, позволил Насте упасть, начал выпивать её боль, — виновато признался мертвец, обдав ухо ведьмы холодом. — Ты права, во всем права. Мне надо уйти.

— Ты готов? — мысленно спросила Алика.

— Да! — ответил покойник.

— Настя... — Ведьма старалась говорить твёрдо, чтобы девочка не успела ничего заподозрить. — Мне нужно ненадолго отойти. Ты тут пока пей чай. Вот тебе печенюшки.

...Она вышла из комнаты и осталась наедине с духом. При жизни Миша был круглолицым весё-

лым мужичком. Он работал в ТЮЗе, очень любил детей. Сейчас от него осталась лишь тёмная обложка.

— Куда мне идти? — спросил Михаил.

Алика, чуть понизив голос, ответила — куда.

Покойник чуть задумался.

— Но что будет с ней? У неё нет никого. Была бабушка, но и та умерла несколько лет назад.

— Можешь о ней не беспокоиться. Девушка, приручившая мертвеца, вряд ли нуждается в чьей-то защите.

И Миша ушёл...

— Как ты себя чувствуешь? — осторожно спросила Алика девушку, вернувшись. Ведьма взглянула на часы. Прошло всего несколько минут. А по её ощущениям — не меньше жизни.

— Знаете, я впервые за последние полгода согрелась. Мне не холодно. Вот Миша удивится. Миша... — Настя привычно оглянулась через плечо, — Миша?!

Кажется, она медленно начала понимать, что произошло. Из глаз брызнули слёзы, солёные, жгучие.

Алика сделала то, что категорически запрещала себе в работе: осторожно приобняла клиентку и погладила её по сотрясающейся от рыданий спине.

— То, что я сделала — это хорошо, понимаешь? Это было правильно, — шептала ведьма.

Да, она всё понимает. Да. Вы во всём правы. Девочка скомкано поблагодарила Алику и, шатаясь, побрела домой.

Ровно через двадцать минут раздался телефонный звонок.

— Алика, мой сынок говорит какой-то бред. Мол, ты его не почистила, выгнала.

— Всё так, — чистосердечно призналась ведьма. — Деньги за консультацию я переведу обратно.

Она, не стесняясь в выражениях, поведала, что его Макс — чернушник и чуть не убил ни в чём не повинную девушку.

Что по ночам он с точно такими же отморозками оскверняет могилы. Посоветовала изъять у ребёнка ритуальные кубки, ножи и прочие экзотические игрушки.

Она сознательно сгустила краски, так что под конец их беседы Макс казался отцу чуть ли не председателем тёмной секты.

— Что же мне делать? — мрачно спросил Евгений. — Поговорить с ним? К священнику тащить?

— Нет, с профилактическими беседами и священником вы уже опоздали. А вот с нынешними друзьями общение прекратить. Опасные книги изъять. К бабушке в деревню пусть едет. Огород копает, хозяйство тянет. Главное, пусть работает. Физические нагрузки ой как хорошо исцеляют от дури.

Иногда, особенно во время разборов чьих-то пустяковых запросов, она вспоминала ту девочку, Анастасию.

«Как она там? Совершенно одна в большом и страшном городе. Устроилась ли в жизни? Смогла ли идти дальше, лишившись единственного, хоть и мёртвого, друга?»

И снова и снова напоминала себе: девочка, приручившая даже покойника, ни в чьей помощи не нуждается. **У**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										П6316			
на журнал										(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com													
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ПАО «Почта России» и в странах СНГ, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ПАО «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Газеты. Журналы» П6316.

			Доставочная карточка											
ПВ	место	литер	на журнал											
			П6316											
			(Индекс издания)											
Уральский следопыт. uralstalker.com														
Стоимость	подписки		___руб. ___коп.		Кол-во компл.									
	перед- ресовки		___руб. ___коп.											
на 20__ г. по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														